ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 69 (3098) Четверг, 11 июня 1953 г. Цена 40 коп.

ЗАБОТА О БЫТЕ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ

В связи с неуклонным подъемом материального благосостояния советских людей растет потребление высококачественных продуктов питания. Это сказывается во всем, начиная с торговли хлебом и кончая торговлей вином. Ржаного хлеба в настоящее время продается значительно меньше, чем до войны, зато штучных и мелкоштучных хлебо-булочных изделий — в три раза больше. Увеличивается на семьдесят с лишним процентов, по сравнению с 1940 годом, выпуск виноградного вина и более чем в два раза—шампанского, а производство водки и водочных изделий сокращается. Растет спрос на пищевые продукты высших сортов, особенно полуфабрикаты, из которых в домашних условиях можно быстро приготовить вкусную и питательную еду.

В Министерстве легкой и пищевой промышленности СССР нашему корреспонденту рассказали о наиболее интересном из того, что будет сделано для облегчения труда домашней хозяйки.

Пищевые предприятия значительно расширяют производство расфасованных продуктов и полуфабрикатов. Речь идет о котлетах, готовых завтраках, консервированных супах, фабричное производство которых к концу пятилетки должно увеличиться в несколько раз по сравнению с довоенным временем. Продажа этих продуктов развертывается во многих городах.

Вот уже четвертый год, как появились овощные блюда: консервированные борщи, рассольники, щи, солянки и т. д. За эти четыре года выпуск их непрерывно рос — с 5,5 миллиона банок в 1949 году до 79 миллионов банок в 1953 году.

Очень помогут женщинам в приготовлении пищи не только консервированные продукты, но и замороженные плоды и овощи. Удалось разработать такой метод замораживания плодов и овощей в свежем виде, который сохраняет наибольшее количество витаминов и пищевых свойств. При этом витаминов в них больше, чем в блюдах, приготовленных дома. В консервах витамины и минеральные соли не исчезают со временем, как в свежих продуктах, а сохраняются годами. В этом году население получает свыше 12 миллионов килограммов замороженных плодов и овощей.

Новинкой является выпуск овощных и фруктовых консервов для детей различного возраста. Выпускаются консервированные соки моркови, свеклы, капусты и других овощей, обладающих высокими диэтическими и лечебными свойствами.

Намного увеличивается и производство концентрированных продуктов, которые сократят время приготовления пищи в несколько раз. Это различные каши, супы, лапшевники, пудинги, кукурузные хлопья и т. д. Они требуют только непродолжительного кипячения, после которого их можно употреблять в пищу. В то же время усиливается овощесушильная промышленность — в три с половиной раза к концу пятилетия! Брикетированные смеси из сушеного картофеля и овощей предназначаются, главным образом, для населения Крайнего Севера и других отдаленных областей, а также районов, где мало свежего картофеля и овощей.

Здесь сказано лишь о части того, что делается для улучшения быта советской семьи, сокращения времени, которое женщины тратят на приготовление пищи. Чтобы осуществить всю программу полностью, в стране проводится большое строительство самых различных предприятий пищевой промышленности, реконструируются и расширяются старые. Все это осуществляется наряду с неуклонным увеличением выпуска продовольственных товаров, которых с каждым годом будет все больше и больше.

Суда для Волги

Корабль шел из Черного моря в Москву. В районе Севастополя ветер посвежел. «Состояние моря — 6 баллов» — отметили в вахтенном журнале. Разгулялись волны.

— Откуда появилось это речное судно?—дивились моряки, глядя на необычный корабль. Однако единодушно признали, что на морской волне он ведет себя хорошо.

Корабль миновал Черное море, оставил позади себя и Азовское, прошел Дон и Волгу с их водохранилищами — морями и судоходным каналом, и вот он — в столице. Это — пассажирский дизельэлектроход «Россия», созданный чехословацкой судостроительной промышленностью при технической помощи советских судостроителей для самой популярной в нашей стране речной линии Москва — Ростов.

Как уже сообщалось в печати, новый дизельэлектроход в начале июня вышел из Северного порта столицы в первый пассажирский рейс. Внешность судна несколько необычна: не видно трубы, спрятанной в капитанской рубке; вместо привычной деревянной шлюпки в кормовой его части по обоим бортам подвешены две металлические; несколько тяжеловаты обводы корпуса — это обусловлено тем, что дизельэлектроходу предстоит пересекать крупные водохранилища, ходить в низовья великих рек.

На судне свыше трехсот пассажирских мест. Пассажирам предоставлены хорошо обставленные каюты, музыкальные салоны, рестораны, амбулатория, комната матери и ребенка, парикмахерская, душевые, ванные. Автоматическая телефонная станция связывает все служебные помещения и каюты командного состава. Хорошие условия созданы для членов экипажа.

Как сообщили корреспонденту «Литературной газеты» в Министерстве морского и речного флота СССР, в скором времени пассажирский флот линии Москва — Ростов должен пополниться еще четырьмя дизельэлектроходами типа «Россия». В ближайшие годы число таких судов будет значительно увеличено: они предназначены для плавания и на других реках страны.

Туристы, которые совершат в этом году путешествие по Волге, увидят еще одну судостроительную новинку — наша промышленность выпускает теплоходы «Москвич» так называемого волго-донского типа — с большей пассажирской вместимостью, с двумя дизелями мощностью по 150 лошадиных сил и более прочным корпусом. Эти катера приспособлены для плавания в условиях крупных водохранилищ.

Электростанция на столе

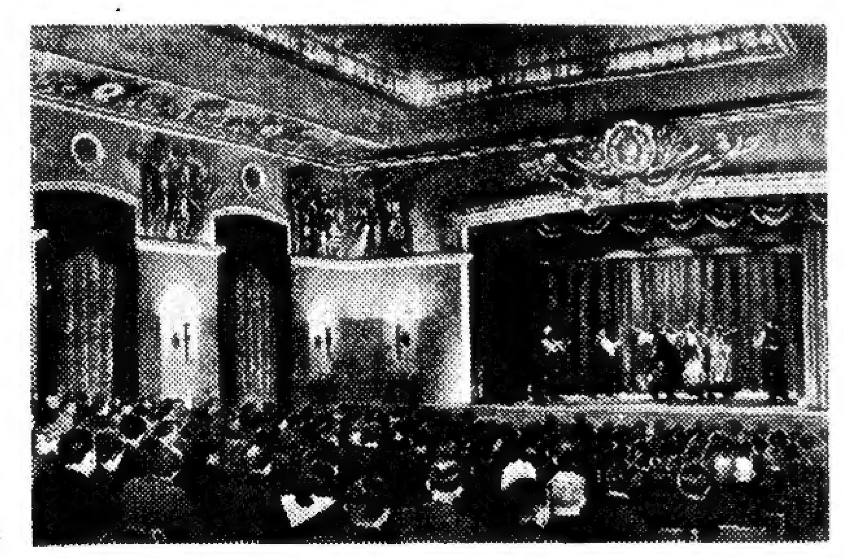
Это не игрушка или модель, а настоящая передвижная электростанция, хотя по размерам она равна большому телевизору. Длиною в три четверти метра, она помещается на телефонном столике, и, может быть, правильнее было бы назвать ее не передвижной, а переносной электростанцией.

Перед портативными электростанциями, которые освоены сейчас киевским заводом «КИНАП» и запущены в поточное производство, открывается широкое поле применения. Они очень удобны, например, для многочисленных звуковых кинопередвижек. Портативную электростанцию «Киев-I» вьючным транспортом легко доставить в горы. На оленьей или собачьей упряжке вместе с проекционным киноаппаратом она попадет в отдаленные районы тундры или тайги. Чтобы показать два полнометражных кинофильма, электростанции требуется израсходовать меньше четырех килограммов горючего.

Но не только киномеханикам пришлась по душе эта станция, которая сейчас идет на смену старым «передвижкам», более сложным в обращении и втрое большим по весу и габаритам. Два десятка лампочек, которые могут зажечься от портативной электростанции «Киев-I», осветят по вечерам здание сельского клуба, школы, больницы или учреждений там, где нет еще стационарной электросети. Сотни школ и детских домов уже электрифицированы таким образом.

КИЕВ. (Наш корр.)

На окраине Москвы

Колонны из розового мрамора несут расписной плафон просторного вестибюля. Широкие боковые лестницы украшены фресками. Они ведут в фойе, из которого в открытые двери видна яркая роспись на потолке и стенах зрительного зала.

После трудового дня сюда приходят провести свой досуг рабочие и служащие завода имени В. М. Молотова. Этот рабочий дворец, выстроенный по проекту архитектора Е. Розенблюма, открылся недавно, но он уже стал центром культурной жизни всего района.

Дом культуры расположен на окраине Москвы. Когда-то здесь по обочинам мощенной булыжником дороги ютились низенькие домики. А теперь вдоль широкого асфальтированного озелененного Варшавского шоссе один за другим поднимаются новые жилые дома, школы. НА СНИМКЕ: зрительный зал нового Дома культуры.

Фото Б. ВДОВЕНКО

ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ!

Анатолий ЗЛОБИН

Павел Георгиевич Левандовский совершал ежедневный обход цеха. Косые столбы лучей утреннего солнца, пробивавшиеся сквозь высокую крышу, падали на пол яркими бесформенными пятнами. В нагревательных печах гудело и бушевало пламя, буйные языки его, бесцветные там, где на них падало солнце, выбивались из-за толстых заслонок. В зыбком, дрожащем воздухе, поднимавшемся от печей, плыли огромные, красные, как солнце, раскаленные куски металла — круглые, квадратные, прямоугольные.

Тут и там виднелись тележки, транспортеры, желобки, шланги, горелки, вентиляторы. К кранам были присоединены железные захваты, клещи, которые вытаскивали из печей раскаленные болванки и несли их к молотам. Все это называлось «малой механизацией».

Сотрясая пол, гулко ухали молоты, и их удары отдавались в ногах идущего человека. При обходах Левандовский доверялся больше своему слуху, чем глазам. Одним взглядом всего не охватишь, а вот услышать можно сразу многое.

Услышав, что один звук исчез, Левандовский направился в сторону остановившегося молота: пролез под железнодорожной платформой, прошел между двумя стойками колонны, подпиравшей крышу, и очутился у молота.

— Что встали? — спросил он бригадира Олейникова, высокого, худощавого кузнеца с загорелым скуластым лицом.

— Подлаживаемся кантовать. — Олейников кивнул головой на раскаленную заготовку: — Все-таки тонны полторы тянет, с разбегу не возьмешь.

— Давайте, давайте, сегодня уже вторник. — Левандовский намекал на то, что месяц угрожающе приближается к концу и что надо «давать» программу.

— Павел Георгиевич, скоро? — спросил Олейников, кивая головой на молот, стоявший несколько дальше. — Там веселее будет.

— Что? — не понял было Левандовский. — Ах, труженик... Скоро, скоро. Ты нажимай, Тимофей Лукьяныч. С тебя сегодня девять валов...

— Дадим, Павел Георгиевич, будьте спокойны.

С тех пор как в кузнечном цехе начал работать механический «труженик», у Левандовского появилось такое чувство, словно он был в чем-то виноват перед кузнецами, хотя именно он и вызвал к жизни новую машину.

В конце пролета виднелась большая, с вагон, тележка на маленьких колесах, с коротким, тупым хоботом впереди. На верхней стойке — четыре буквы: УЗТМ — Уральский завод тяжелого машиностроения. Левандовский приостановился и стал наблюдать за работой «труженика».

Перед ним, как в кадрах кино, проходили старый и новый способ горячей обработки металла. Около высокого с колоннами молота, где он только что разговаривал с Олейниковым, сновали фигуры полуобнаженных людей. Четыре человека с помощью толстых цепей и длинных ваг зажали толстый, пышущий жаром брус и под команду пятого принялись ворочать его, подставляя разными сторонами под удары молота, стремясь сделать из бруса круглую заготовку. Молот с силой обрушивался на болванку, и удары его отдавались на вздрагивающих, напряженных телах кузнецов. Дружно наваливаясь своими телами на вагу, кузнецы быстро и ловко поворачивали брус, какую-то долю минуты отдыхали, пока молот шел вниз, и снова наваливались... Фигуры кузнецов, освещаемые с одной стороны темно-красным светом бруса, казались бронзовыми, выпуклыми, отлитыми из тугих, напряженных мускулов.

А у такого же молота, где стоял начальник цеха, теперь над такой же заготовкой работал «труженик»: ребристые, с полметра, железные челюсти его намертво зажали брус и подставили под молот. «Тружеником» управляла молоденькая девушка в красном платочке. Сидя в кресле, она поворачивала то один, то другой рычажок, и брус послушно подставлял свои огненные бока под удары молота, передвигался вместе со всей тележкой взад и вперед. Толстый хобот содрогался под ударами, но продолжал цепко держать брус. Прошло несколько мин[illegible] и подплывший по воздуху кран выхвати[illegible] из разжавшихся челюстей «труженика» готовый круглый вал. А у первого моло[illegible] четверо полуобнаженных людей все еще продолжали ворочать брус. Девушка в красном платочке, легко и ловко управляющая «тружеником», заменяла четырех сильных мужчин и делала их работу вдвое быстрее.

Да, нелегка работа кузнеца. Наблюдая за движениями рабочих, Левандовский почти физически чувствовал, как до предела напрягаются их тела, с каким трудом тяжеленный б[illegible] поддается упорным усилиям людей. За с[illegible] кузнец перебрасывает на руках 30 тон[illegible]лла. И не какого-нибудь мертвого, хол[illegible]металла, а раскаленного, излучающего [illegible]мное количество обессиливающего тепла. [illegible]вандовский знал по себе, как выматывает эта работа человека.

Он начал свой трудовой путь кузнецом в 1923 году. Десять лет ворочал заготовки в кузнице одного из харьковских заводов, а в 1933 году приехал на Уралмаш, который в тот год вступал в строй. Левандовский работал на маленьких и больших молотах, был мастером мощного пресса и старшим мастером смены, помощником и начальником цеха. Не уходя с производства, он окончил среднюю школу, получил техническое образование.

Мысль о механическом кузнеце, о «труженике», зрела в его голове много лет. Года два назад она оформилась настолько, что он засел за чертежи. Большая растянутость этой работы во времени объяснялась тем, что в кузнечном мире существовало незыблемое убеждение: построить механический манипулятор для работы над молотом невозможно. Никакая металлическая конструкция не выдержит динамической силы ударов, которые возникают при обрушивании молота на заготовку. Манипулятор развалится в первый же день работы.

А как же выдерживают динамические удары люди? И долго ли они могут их выдерживать? Эта мысль не давала покоя Левандовскому, и он упрямо продолжал поиски.

Силу ударов ослабят пружины—система упругих пружин. Так возник первый чертеж, составленный наполовину из многочисленных спиралей.

Идея пружин получила одобрение, и, хотя нашлись скептики, главный инженер завода Сергей Иванович Самойлов на свой страх и риск послал Левандовского в Москву — «изыскивать» сверхплановые средства на постройку невиданной машины. Левандовский приехал в министерство. Ему не пришлось обивать пороги кабинетов, упрашивать и уговаривать. Несколько сот тысяч рублей были «изысканы» буквально в два дня.

В работу включились конструкторы, технологи, рабочие. Проект был вынесен на обсуждение. Конструктор Галанов, кузнец Олейников и другие предложили ряд усовершенствований. Работали дружно, с огоньком. Своим энтузиазмом Левандовский всколыхнул весь завод. Модельщики, литейщики, механики в рекордный срок, сверх всяких планов изготовили 26-тонную машину.

Двадцать две пружины, обвивающие и удерживающие наиболее уязвимые узлы манипулятора, разбили все предсказания скептиков. Молот не причинял «труженику» ни малейшего вреда. Вот уже более полугода «труженик» ворочает заготовки, и самые придирчивые эксперты не обнаружили ни одной трещинки в конструкции.

«Труженик» стал объектом паломничества. Посмотреть на работу механического кузнеца приезжали даже из других городов. Десятки заводов просили уралмашевцев прислать им чертежи новой машины.

Однако вот уже более полугода «труженик» трудится в одиночку, а рядом, на соседних молотах, кузнецы попрежнему ворочают заготовки вручную. Кто-либо из них нет-нет да и оглянется или подойдет поближе, чтобы посмотреть, как работает «труженик». Посмотрит, вздохнет и снова берется за вагу.

— Павел Георгиевич, скоро ли? — такой вопрос не раз задавали Левандовскому. Вот и сегодня Олейников спросил об этом, и начальник цеха чувствовал, что ответил кузнецу не так. Конечно, все в цехе давным-давно знали, что еще два «труженика» включены в план и уже делаются, но Левандовский хорошо понимал тех, кто обращался к нему с такими вопросами и почему они обращались именно к нему, а не к кому-либо другому.

«Труженик» упорно напоминал о себе и другими заботами. Раньше, до «труженика», работа машиниста считалась самой легкой в бригаде. А теперь, когда кузнецы, ворочающие заготовки, отошли в сторону и их место заняла девушка в красном платочке, все увидели, что тяжелую физическую работу выполняет и машинист, управляющий молотом. Он попрежнему целый день вручную опускал и поднимал коромысло, словно качал воду из бездонного колодца. Выходит, надо срочно что-то придумывать, автоматизировать управление молотом.

И это еще не все. «Труженик» так быстро обрабатывал заготовки, что нагревательная печь стала отставать. Выходит, надо ставить новую печь.

Левандовский задумал сделать кнопочное управление, наметил место для второй печи, но до сих пор не мог взяться за дело всерьез — все не хватало времени.

Озабоченно поглядывая по сторонам, он сокрушенно говорил:

— Приходится больше работать ногами, чем головой. Конец месяца. Программа на нас нажимает: целый день бегаешь по цеху за программой. Так в беготне придумаешь какой-нибудь желобок. — глядь, соседние участки стали отставать.

В самом деле, всякое новшество тянет за собой другие. Напротив кузницы, в огромном здании механических цехов полным ходом идет сейчас внедрение силового резания металлов. Токари, строгальщики, расточники начинают обрабатывать свои детали в несколько раз быстрее. И вот результаты — стало отставать крановое хозяйство цехов. Хорошо, если вы работаете на небольшом станке и детали у вас не тяжелые. А если деталь весит 100—200 килограммов? Раньше токарь обтачивал такую деталь за тридцать минут. Теперь — за десять. А затем он двадцать минут ожидает кран, чтобы снять готовую деталь со станка и поставить новую.

Нет сомнения, и кнопочное управление, и новая нагревательная печь, и новые краны будут сделаны. Однако время идет, оно требует непрерывного совершенствования производства, все более высокой его культуры.

Злейший враг технического прогресса — штурмовщина. Она заволакивает горизонт чадом суматохи, делячества, приводит к потере перспективы.

* *
*

«Труженик» — один из многочисленных примеров того, как непрерывно и повсюду совершенствуется социалистическое производство.

Социалистическое соревнование, которое стало плотью и кровью нашей жизни, ведет нашу промышленность ускоренными темпами вперед.

Важную роль в развитии и совершенствовании техники играют рационализация и изобретательство.

Однако по данным председателя общезаводской комиссии по рационализации Левандовского, на Уралмаше ждут не дождутся внедрения 3.350 рационализаторских предложений.

А все ли делается на заводе для повышения культурно-технического уровня работников? Нет, тоже далеко не все.

На Уралмаше с гордостью говорят:

— Нет такой формы обучения, которая не применялась бы на нашем заводе.

Законная гордость. На заводе учатся около 12 тысяч рабочих. Но даже такой огромной цифры мало для гигантского Уралмаша. Увеличить ее мешает «узкое» место — недостаточная учебная база. До войны на заводе работал Дом технического обучения. Во время войны он был заселен различными организациями, и его до сих пор не могут освободить. От 64 прекрасно оборудованных кабинетов и лабораторий для учения «уцелело» лишь десять небольших аудиторий. Наглядные пособия выброшены в склад. В бывшем гардеробе разместилась парикмахерская. Говорят, она приносит солидный доход... А почему бы не подсчитать, какой убыток заводу наносит «узкое» место в его учебном цехе.

В аудиториях, рассчитанных на 30 мест, собирается по 40—45 человек; плодотворно заниматься при такой скученности трудно. Не удивительно, что в этом году свыше четырехсот учащихся перестали посещать школу рабочей молодежи. Идя с работы по широкой призаводской площади имени Первой пятилетки, рабочие с укоризной поглядывают на красивое пятиэтажное здание Дома технического обучения. Сколько уралмашевцев могли заниматься здесь на различных курсах, если бы Дом технического обучения был «восстановлен». В области культуры Уралмаш может и должен сделать больше, чем делает.

До тех пор, пока не будет поднята на новую ступень культура производства, до тех пор будут мозолить глаза «узкие» места в цехах, до тех пор штурмовщина будет оставаться тормозом, задерживающим и появление новой нагревательной печи у «труженика», и рождение кнопочного управления молотом, и многое другое.

Социалистическое производство совершенствуется на базе высшей техники. Старая техника неизбежно сменяется новой, а новая — новейшей. Подтверждением этой закономерности могут служить машины, выходящие из ворот Уралмаша. Каждая новая машина лучше предыдущей: все более мощные и совершенные прокатные станы и экскаваторы, нефтебуровые установки, камнедробилки, чугуновозы... Заводская марка—это подпись коллектива под своей машиной. Уралмашевцы могут гордиться своей «подписью»: УЗТМ. Однако нет сомнения: чем выше будет культура производства в цехах Уралмаша, тем более совершенные, новейшие машины будет выпускать завод.

Вооруженные новейшими машинами, советские люди проникают в недра земли, прокладывают дороги, добывают руду, нефть и уголь, производят и обрабатывают металл. Вместе со свои[illegible] собратьями по тяжелому машиностро[illegible]ю Уралмаш кует технику коммунизма.

...Солнечный весенний день стоит над заводом. В обеденный перер[illegible]в сотни рабочих высыпают из цехов на скверики, разбитые в промежутках между коробками зданий. Молодежь натягивает сетку, и волейбольный мяч, сопровождаемый возгласами «болельщиков», начинает мелькать над головами. На другой площадке сосредоточенные городошники кидают окованные железом биты.

Главный проезд за[illegible], напоминающий скорее просторную [illegible], густо засажен деревьями. Словно [illegible] свои силы, ветерок играет мо[illegible] листьями.

Из ворот [illegible]да медленно выезжает эшелон с новы[illegible] машинами. Ребятишки возвращаются из школы, усердно машут вслед ему руками.

Гудит долгий низкий гудок — Уралмаш продолжает работу.

СВЕРДЛОВСК — МОСКВА
Апрель — май.

КНИГИ О РОДНОМ КРАЕ

КАЛУГА. (Наш корр.). В областном издательстве «Знамя» выходит несколько книг местных авторов о родном крае и его людях.

Одну из них — «Твердый сплав» написал Н. Кондаков. Это очерки о людях существующего более двух столетий Людиновского локомобильного завода. Рукопись предварительно обсуждалась на партийно-хозяйственном активе завода и собрании старейших рабочих, сделавших ряд замечаний.

Другая книга—поэма «Полет на луну» В. Чухрова. Эта фантастическая сказка-быль, написанная по материалам музея Циолковского, знакомит юного читателя с мечтой их великого земляка о межпланетных сообщениях.

Кто авторы этих двух книг? В. Чухров—аспирант МГУ, Н. Кондаков был собкором областной газеты, ныне он — редактор районной газеты.

Книги о родном крае выходят в Калуге не в первый раз. В 1952 году была издана книга местного поэта К. Тюлянина «В нашем городе», рассказывающая о том, как восстанавливается Калуга. Несколько книг написано колхозниками, рассказывающими о своем передовом опыте.

Международные отклики

МАНЕВРЫ ПРОТИВНИКОВ МИРА

Народы всего мира горячо желают успешного завершения переговоров в Паньмыньчжоне и прекращения войны в Корее. Заключение соглашения о репатриации военнопленных открыло путь к мирному разрешению корейского вопроса. В этой связи обращает на себя внимание реакция некоторых кругов в США и Южной Корее на происходящие переговоры.

Незадолго до подписания соглашения о репатриации известный представитель прессы американских монополий издатель Рой Говард, выступая в «Клубе рекламы» в Сан-Франциско, призвал «пристально следить» за любыми попытками, как он выразился, «умиротворения» на переговорах в Корее и «поднимать адский шум по их поводу». Этому рецепту м-ра Роя Говарда не замедлило последовать... южнокорейское «правительство» Ли Сын Мана. Представители этого «правительства», как известно, принимают участие в переговорах в Паньмыньчжоне по настоянию США. Но вот 28 мая южнокорейский «министр иностранных дел» объявил, что сеульское правительство решило впредь... бойкотировать переговоры. На последующих заседаниях в Паньмыньчжоне лисынмановский «делегат» уже не присутствовал. А сейчас лисынмановская клика развернула кампанию против соглашения о репатриации военнопленных.

Как видно, перспектива прекращения войны в Корее не устраивает лисынмановскую клику. Не скрывая своего раздражения и страха, Ли Сын Ман и его приспешники поднимают поистине адский гвалт. Сам «президент», как сообщило агентство Рейтер, объявил, что Южная Корея будет «одна вести войну» вплоть до реки Ялуцзян, «если союзники и коммунисты подпишут перемирие», а лисынмановский «министр иностранных дел» пригрозил, что Южная Корея силой воспрепятствует высадке индийских войск, если таковые будут направлены, чтобы взять под свою опеку тех военнопленных, которые, находясь под контролем пленивших держав, не воспользовались своим правом на репатриацию.

Это провокационное заявление вызвало, естественно, возмущение во всем мире. Тогда было опубликовано разъяснение информационного агентства Южной Кореи. В нем говорилось, что министр... «пошутил», понимать же его нужно в том смысле, что лисынмановские войска будут (всего-навсего!) стрелять «в любого военного или гражданского представителя Чехословакии и Польши» (т. е. тех нейтральных государств, кандидатуры которых, наряду с Индией, входят в состав комиссии, берущей военнопленных на свое попечение после перемирия).

Чего же, однако, добиваются лисынмановцы? Они нагло требуют, чтобы Объединенные Нации признали за «правительством» Ли Сын Мана право на «территориальный и политический суверенитет над всей страной». Сам Ли Сын Ман кричит: «У нас есть только один путь — путь борьбы до победы или поражения».

В этой обстановке особое внимание общественного мнения, как указывает китайская газета «Женьминьжибао», привлекает тот факт, что президент США Эйзенхауэр направил недавно Ли Сын Ману письмо. В этом письме говорится, что США намереваются вступить с лисынмановцами в переговоры о заключении так называемого «Договора о совместной обороне». «Женьминьжибао», комментируя письмо Эйзенхауэра, подчеркнула, что если США действительно намерены это сделать, то сие нельзя рассматривать иначе, как новый сговор между США и лисынмановской кликой, сговор, могущий стать препятствием на пути мирного урегулирования корейского вопроса.

Откровенно-воинственная позиция «неуклюжего союзника» (как именует Ли Сын Мана английская печать) вызвала протесты повсюду, даже в странах Атлантического блока. В Англии, где, по признанию газеты «Манчестер гардиан», «мало кто склонен терпеливо относиться к Ли Сын Ману», обструкционистская тактика южнокорейского «президента» вызвала сильнейшее возмущение. «Ли Сын Ману, — заявляет «Манчестер гардиан», — можно было бы сказать, что если он попытается продолжать войну на свой страх и риск, Объединенные Нации либо помешают ему в этом, либо дадут ему сломать себе шею на этом деле».

Ушат холодной воды вылил на разбушевавшегося сеульского Мальбрука орган французских деловых кругов «Ажанс экономик э финансьер»: Ли Сын Ман «упускает из виду, что если бы он был предоставлен своим собственным силам, то его режим уже давно был бы выметен метлой».

Напоминание это нельзя не признать весьма уместным. Тем более, что население Южной Кореи отнюдь не разделяет воинственных настроений сеульских правителей. Недавно в Сеуле, несмотря на царящий здесь террор, состоялась массовая демонстрация населения под лозунгами, требующими немедленного прекращения огня.

«КРИЗИС ДОВЕРИЯ»

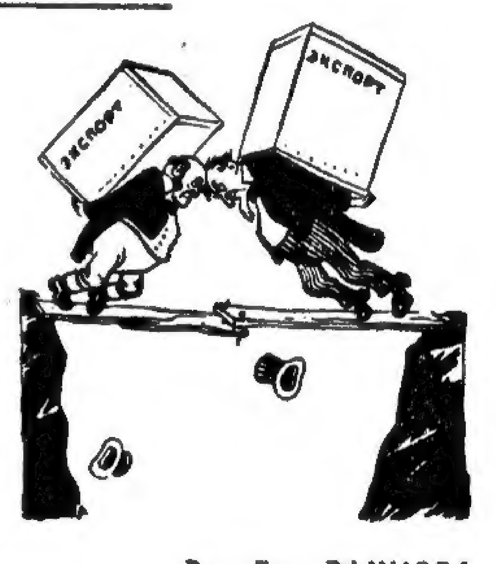

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Американские внешнеполитические обозреватели в последнее время все чаще употребляют выражение «кризис доверия». Сколь это ни прискорбно для правящих кругов Америки, именно так характеризуются ныне взаимоотношения между Соединенными Штатами и их партнерами по «атлантическому сообществу». В тех или иных выражениях об этом говорят теперь многие американские политики и органы печати. Так, Уолтер Липпман констатирует «потерю доверия и уважения» к США со стороны «самых надежных, самых искренних, самых старых и самых испытанных друзей» Америки.

Разумеется, больше всего американских обозревателей тревожит ухудшение отношений между США и Англией. В статье «Наш союзник Англия» обозреватели газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» братья Олсоп пишут: «Отношения между нашей страной и Англией плохи и продолжают ухудшаться. По существу, если они станут еще более натянутыми, в конечном итоге западный союз будет по меньшей мере парализован, если не распадется окончательно».

«Ухудшение англо-американского партнерства, — констатируют Олсопы, — зашло сейчас очень далеко». Следует отметить, что американская печать не прилагает больших усилий к тому, чтобы вскрыть истинные причины ухудшения отношений с Англией. Братья Олсоп, например, лишь весьма туманно намекают на «различие в положении Англии и Америки», которое «состоит из целого ряда сложных экономических, географических, конституционных и даже социальных фактов».

Чтобы уяснить коренные причины «кризиса доверия» Англии к Соединенным Штатам, полезно прислушаться к голосам из самой Англии. Тогда всякому станет ясно, что дело тут не в «слабости американского руководства», как изображают это братья Олсоп, а в экономической политике американских монополий. Англия, подобно другим западноевропейским странам, испытывает все большие экономические и финансовые трудности вследствие американского запрета на торговлю со странами демократического лагеря и высоких тарифных барьеров, преграждающих английским товарам путь на американский рынок. Как жаловался недавно обозреватель лондонского радио Морис Лейте, США «не хотят помогать другим странам продавать им свои товары и таким образом зарабатывать долларовую валюту, которая им необходима для закупки товаров в Америке».

Плачевные для экономики Англии результаты американской «помощи» вынудили английское правительство провозгласить лозунг «торговля, а не помощь». Но Соединенные Штаты не принимают этого лозунга. Навязывая Западной Европе свои товары, американские монополии не намерены открывать ей свой внутренний рынок. А это вызывает недовольство западноевропейских дельцов. Показателен такой факт. Английский представитель на состоявшемся недавно XIV конгрессе Международной торговой палаты Деннис Робертсон прямо заявил: «Необходимо коренное изменение внешнеторговой политики Соединенных Штатов».

Позиция Англии, указывает американский журнал «Нью-рипаблик», «объясняется сильным желанием некоммунистических стран установить нормальные отношения с коммунистическим миром. Именно это желание, выражающееся в стремлении Европы и Азии вступить в деловые отношения с коммунистическим Китаем и расширить торговлю между Западом и Востоком, красной нитью проходит через все разногласия между Соединенными Штатами и их союзниками».

Требования деловых кругов Англии о расширении торговли с Советским Союзом и Китаем начинают серьезно тревожить некоторые американские круги. Как меньшее зло, американский журнал «Форин сервис джорнэл» предлагает «принять все меры» к созданию в Америке «хорошего устойчивого рынка для английских товаров». Но против этого возражают американские монополии. Таким образом, получается заколдованный круг капиталистических противоречий. Как же тут не возникнуть «кризису доверия»?

ЛИТЕРАТОР

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

ПРОБЛЕМА БЕЛКА

Академик Н. Д. ЗЕЛИНСКИЙ,
Герой Социалистического Труда

В директивах XIX съезда партии записано: «Всемерно содействовать ученым в разработке ими теоретических проблем во всех областях знания...» Об одной такой серьезной и важной проблеме, еще не разрешенной до конца нашей наукой, но заслуживающей самого пристального внимания, я хотел бы сказать в этой статье. Речь идет *о проблеме белка*, о его значении для науки и жизни.

Проблема белка является одной из основных проблем современного естествознания и привлекает внимание ученых. Этот интерес к белку объясняется тем, что формы существования белка тесно связаны с многочисленными проявлениями жизни, с самой жизнью.

Как бы прост или сложен ни был живой организм, в нем обязательно имеются белковые вещества. Белок — основа протоплазмы клеток простейших форм жизни — вирусов и микробов — и сложных организмов — высших растений и животных. «Повсюду, где мы встречаем жизнь, — писал Фридрих Энгельс, — мы находим, что она связана с каким-либо белковым телом, и повсюду, где мы встречаем какое-либо белковое тело, которое не находится в процессе разложения, мы без исключения встречаем и явления жизни».

Столь исключительное значение в возникновении и развитии живых организмов белковые тела приобрели благодаря тому, что именно у них с наибольшей полнотой проявилось замечательнейшее свойство, которым другие тела обладают лишь в зачаточном состоянии, — обмен веществ. Прекращение обмена веществ с окружающей средой означает конец жизнедеятельности, смерть.

В результате повседневного взаимодействия с изменяющимися условиями окружающей среды развитие живой материи достигло современных форм, отличающихся поразительным многообразием и приспособленностью к условиям жизни. Главную роль в образовании живой материи, обладающей этими замечательными свойствами, играют белковые вещества, которые справедливо называют носителями жизни.

Изучение белковых веществ — одна из важнейших и самых трудных теоретических проблем современной науки, ибо белок является наиболее сложным из всех известных химических соединений. Проникнуть в тайну строения белка, а потом и научиться создавать его искусственным путем — значит познать и овладеть главным из того, что составляет самое величественное явление природы — жизнь.

Свыше ста лет наука уделяет большое внимание исследованию белков.

Многие свойства и особенности строения белков уже открыты, но впереди еще предстоит решение самой важной задачи — синтез белковых тел, иначе говоря, — достижение завершающего этапа изучения данного вещества.

Даже в настоящее время, когда наука располагает огромным запасом знаний, среди зарубежных ученых находятся люди, утверждающие бессилие науки в решении основных задач естествознания. Подобные утверждения свидетельствуют об упадке науки в капиталистических странах; они не имеют, разумеется, под собой никакой почвы. Передовая наука смело срывает покровы с самых сокровенных тайн природы и, опираясь на глубокое знание ее законов, находит пути к все более полному использованию ее богатств.

Трудно переоценить те возможности, которые откроются перед человеком, когда он научится создавать искусственный белок. Тогда ученые получат возможность не только более умело использовать явления природы и управлять ими, но и создавать новые формы жизни. Тогда смогут осуществиться слова Энгельса: «Как только будет установлен состав белковых тел, химия сможет приступить к изготовлению живого белка».

В биологии, медицине, пищевой промышленности и многих других отраслях науки и техники откроются необозримые возможности использования белка, например, для обновления тканей и органов — необходимого этапа в решении задачи долголетия человеческой жизни.

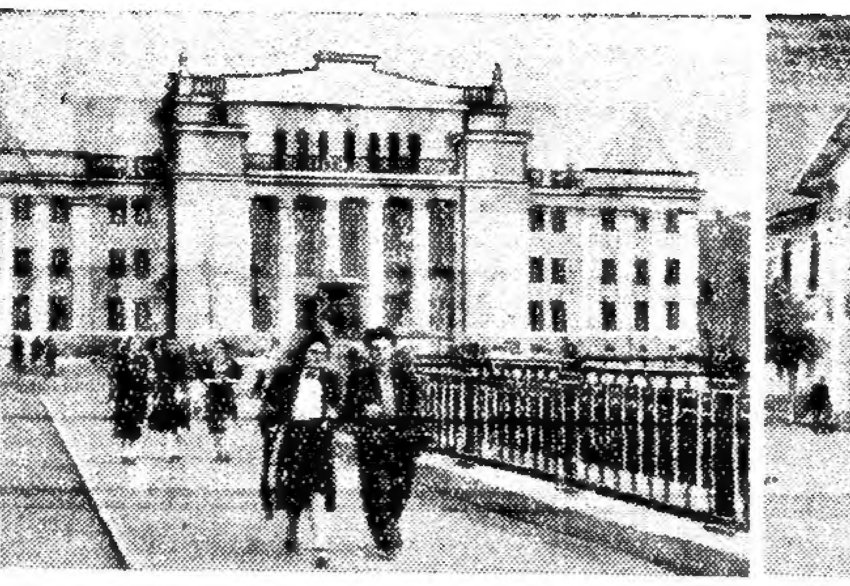
Не одно десятилетие я занимаюсь проблемой белка и твердо убежден, что именно в нашей стране, где господствует социалистический строй, где наука покоится на твердой базе диалектико-материалистической философии, где перед учеными открыты настежь все двери в будущее, эта сложная и благороднейшая проблема будет разрешена.

Еще в 1914 году в докладе на тему «Естественный и искусственный катализ белковых тел» мною впервые были изложены принципы каталитического метода расщепления белковых тел. С 1911 года по 1923 год в моей лаборатории велась напряженная работа по гидролизу белков: гусиного пера, рога, коллагена и других, а также белков животных — мыши, морской свинки, кролика, кошки, лягушки — и по изучению образующейся при этом сложной смеси продуктов распада. Совместно с В. В. Садиковым мы показали, что в образующейся смеси веществ наряду с аминокислотами содержатся продукты неполного распада белка. На основании многолетних опытных данных в 1923 году нами были высказаны новые представления о строении белковой молекулы.

Установить, в каком порядке соединены между собой многие тысячи атомов, входящих в состав молекулы белкового вещества, — задача исключительно трудная. Над этим мы много потрудились с профессором Н. И. Гавриловым. Эта задача окончательно не разрешена и до сих пор: структурная формула белка пока еще не известна. Но на пути к установлению ее сделан ряд важных шагов.

На очереди дня советской химии — синтез белковых тел из простейших «кирпичей» — аминокислот. Созданы все предпосылки для того, чтобы осуществить этот синтез в ближайшем будущем и одержать еще одну крупнейшую победу советской науки в эпоху перехода от социализма к коммунизму.

Одним из основных условий успешного творчества в области проблемы белка является совместная работа химиков (органиков-синтетиков и органиков-аналитиков), физиков, биологов. Проблема белка не может быть самостоятельно разрешена ни одной из наук, ею занимающихся. Только комплексная работа приведет к познанию белка. Ученым предстоит многое сделать в области органической химии, органического анализа, физики, биохимии, физиологии растений и животных по изучению разнообразных форм существования белка: ферментов, гормонов и других веществ, дающих белку высокую биологическую активность. Использовав все достижения химии и физики белка, биолог изучит проявления жизни во всем многообразии ее форм: ассимиляции, обмена, механического процесса движения и защиты, катализа и эволюции форм. Биолог изучит условия среды, в которой белок, синтезированный химиком-органиком и приведенный в необходимое физическое состояние физиком, начнет проявлять себя, как живое элементарное вещество. Вместе с химиками, физиками и биологами должны трудиться и философы. Им следует принять непосредственное творческое участие в процессе осуществления великого дела — создания белка, раскрытия тайны жизни.

Театр юного зрителя в Новосибирске. Городская библиотека в старинном молдавском городе Оргееве.
Фото В. Лещинского и П. Лисейкина

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

ОБ АНТРОПОМОРФИЗМЕ И ОБ ИСКУССТВЕ

«Литературная газета» провинилась. Она не согласилась с напечатанной 18 апреля 1953 года в газете «Советское искусство» статьей А. и Е. Алексеевых, критиковавших фильмы А. Згуриди и Б. Долина (см. передовую статью «Литературной газеты» от 9 июня 1953 г.). Критика этой статьи показалась редакции «Советского искусства» «голословной». Придется удовлетворить желание редакции «Советского искусства», высказанное в заметке «Раздраженная придирчивость» («Советское искусство» от 10 июня с. г.), и подробнее разъяснить некоторые простые истины, не столько в целях полемики, сколько в целях консультации.

В чем обвинили А. и Е. Алексеевы своих «противников»? В антропоморфизме. Что такое антропоморфизм? В статье А. и Е. Алексеевых дано было следующее пояснение: «...донаучное представление, будто животные обладают человеческими свойствами: мыслями, чувствами...» Пояснение это, выписанное, — правда, почему-то без ссылки на источник, — из краткого словаря иностранных слов под редакцией И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова, — справедливо. Скажем сразу: по вопросу о том, что понимать под термином «антропоморфизм», спора не существует. Спор идет о другом — о том, что не надо, щеголяя научными терминами, вульгаризаторски подходить к явлениям искусства, а в данном случае не следует смешивать термины «антропоморфизм» («донаучное мистическое представление, будто...» и т. д.) и «олицетворение» (художественный прием, правомерно существующий в искусстве).

Когда, например, Лев Толстой написал «Холстомера», никто, разумеется, не обвинял его и не обвиняет ныне в антропоморфизме, никто и никогда не утверждал, что это произведение выражает собою мистические представления первобытного общества.

«Молодые кинематографисты» (как называет авторов статьи «Советское искусство»), — однажды лет назад окончившие Всесоюзный государственный институт кинематографии, А. и Е. Алексеевы, — положили в основу своей статьи упрощенски понятый тезис: животные мыслить и чувствовать не могут. О фильме «Лесная быль» (из жизни бобров) А. и Е. Алексеевы пишут: «...хотя в дикторском тексте нет объяснения изображаемого на экране животного мира с позиций зоопсихологии, во всем сюжетном решении фильма и в этом стремлении к наивному романтизму, возведение зверя в опоэтизированного «героя», переживающего бесчисленные опасности».

В таком же духе авторы статьи в «Советском искусстве» критикуют и фильмы «Закон лесной любви», «Во льдах океана» и приходят к общей оценке: «В погоне за развлекательностью режиссеры Б. Долин и А. Згуриди подменяют обыкновенные звериные инстинкты человеческими чувствами: любовью, страданием, радостью, плачем и т. д.».

Кого, собственно, критикуют или (выражаясь слогом газеты «Советское искусство») кого, собственно, «поучают» А. и Е. Алексеевы? Не саму ли газету «Советское искусство»? А. и Е. Алексеевы утверждают: «переживающих» бобров в жизни не бывает. А газета «Советское искусство» в свое время о том же самом фильме «Лесная быль» писала следующее: «След беглецов потерян, и горе любящей матери тоже передается зрителю...».

«Переживающих» лисиц в жизни не бывает. Но в свое время о фильме «Закон лесной любви» «Советское искусство» говорило, явно прегрешая пресловутым антропоморфизмом: «Материнская любовь, горе, забота лисы о своем потомстве умело и убедительно показаны на экране». «Мы сохранили детское стремление проникнуть невидимой в лес и подсмотреть все события лесного мира, все тайны, то, что звери прячут от человека, — их «личную жизнь», их потрясения, переживания, игры, катастрофы».

«Переживающих» медведей в жизни не бывает. Но совсем недавно — 10 января 1953 года — в газете «Советское искусство» проф. А. Формозов писал о фильме «Во льдах океана» следующее: «Сцены семейной жизни белых медведей, например, игры и отдых медвежонка, заботы медведицы, показаны с мягким юмором, любовно, точно и метко».

Многие годы «Советское искусство» не находило ничего антинаучного в том, что в кинокартинах А. Згуриди и Б. Долина авторы широко пользовались приемом олицетворения. И правильно делало. Ибо, коль скоро речь идет не о специальном, лабораторном, научном исследовании, а о работе научно-художественной, в ней неминуемо будут метафоры, олицетворения, в ней будет изображена жизнь животных, увиденная и рассказанная человеком. И это только поможет зрителю воспринять явление, показанное на экране, поможет понять жизнь животных, осмысленную не только учеными, но и художником.

Если редакция «Советского искусства», согласившись с А. и Е. Алексеевыми, сочла данные оценки — неверными, то об этом так и следовало бы сказать, дабы не оставлять своего читателя в недоумении перед противоречивостью суждений, высказанных на страницах одной и той же газеты. Если же редакция сама находится в колебании насчет того, какая именно из ее оценок работ А. Згуриди и Б. Долина более верна, — прежняя или нынешняя, — то ей следовало хотя бы снабдить статью соответствующим примечанием.

Таковы соображения по существу позиции «Советского искусства» в данном вопросе. Что же касается грубого тона реплики «Советского искусства», то ограничимся лишь одним замечанием — такой тон нашим газетам вовсе не к лицу.

ФЕЛЬЕТОН

Мать и сын

Пятнадцать лет назад Григорий Иванович Савин с помощью колхозников сельхозартели имени Калинина построил в селе Желябуге новый дом.

Незадолго до войны Григорий Иванович умер, и все заботы легли на плечи его жены — Марии Егоровны. Не легко было одной выходить трех дочерей и двух сыновей, дать им образование, поставить на ноги. Старший сын, Иван Григорьевич, стал инспектором районного отдела народного образования.

О Савиных в деревне говорили: «Дружная, работящая семья. Хорошие дети у Егоровны».

В суровую военную пору младший сын Михаил и дочь Александра пошли на фронт. А вот старший сын, о котором до войны худого слова не говорили, повел себя трусливо, недостойно и был исключен из рядов партии.

Стыдно, больно было Марии Егоровне за сына: не уберег он высокой чести коммуниста, запачкал доброе имя Савиных.

Да и в семье когда-то тихий, любезный и обходительный Иван Григорьевич оказался совсем другим человеком. В сентябре 1943 года он затеял тяжбу — подал заявление в суд с требованием признать его хозяином всего дома, а мать считать квартиранткой.

Несколько дней кряду ходил он в районный центр, горько сетовал на свою участь, слезно просил судью тов. Чичкову присудить ему отцовский дом. А деятельная жена Савина Елена Платоновна тем временем бегала по деревне и собирала ложные расписки, старательно сочиняла многочисленные справки о том, что якобы ее супруг строил дом. Чичкова не дала себе труда изучить все эти «документы», не вызвала свидетелей, очевидцев, не опросила их и вынесла удивительное решение: «Признать собственником дома Савина Ивана Григорьевича и считать за ним дом. А также предоставить ответчице Савиной М. Е. проживать на правах квартирантки».

Раздобыв такие документы и окружив себя прочным бумажным заслоном, Иван Григорьевич совсем сбросил личину ласкового отпрыска.

Когда Мария Егоровна на другой день после суда пришла с поля, ее сынок уже заложил дверь, прорубил новый ход, а вещи выбросил в сени. Стала мать увещевать сына, а он в ответ: «Квартирантка, знай свое место!».

И каждый день, будто по-заведенному, одно и то же: попреки, угрозы, надругательства.

В 1949 году Савин с женой переехал учительствовать в Подмасловскую семилетку. Рачительный хозяин аккуратно перевез свои вещи, живность, пчел, соления и мочения, а затем вернулся в Желябугу и принялся за главное дело: сарай разломал, окна дома забил дюймовыми досками и листовым железом, на двери повесил ржавую цепь и большой замок... Мать стояла у старой ракиты, горестно сложив руки на груди, и молча смотрела на своего первенца. А он, и не взглянув на нее, неторопливо пошел со двора, бросив на ходу: «Смотри, чтобы и гвоздя не пропало!».

Минул год, второй, третий. А дом Савиных, с наглухо забитыми окнами, все тоскливо стоит на краю деревни — уже и стены и крыша стали рушиться, а мать все ютится в восьмиметровой каморке в сенцах.

Изредка сюда наведывается подвыпивший Иван Григорьевич: покуражится перед матерью, а затем бережно отомкнет замок и придирчиво осмотрит свое добро, сваленное в просторных комнатах: оконные рамы, столы, стекло, железо, проволоку... Все это предприимчивый Савин десять лет назад собрал у населения «для оборудования школы».

Потом он не спеша закрывает дверь и, взглянув исподлобья на мать, медленно цедит сквозь зубы:

— Еще раз напоминаю, квартирантка Савина, побыстрее освобождайте незаконно занятую жилплощадь. Учтите, терпение мое лопнет!

Пробовали колхозники образумить учителя, сестры в письмах пытались усовестить его, но Иван Григорьевич лишь глумливо улыбался, поглаживая круглый, упитанный подбородок: «Зря заботитесь, скоро дом продам».

И впрямь, как-то ночью Савин привел покупателей, да соседи помешали выгнать мать на улицу. «Ладно уж, поживи еще месяц-другой, — смилостивился сын, — а о денежной помощи и не вспоминай».

Мария Егоровна написала заявление в народный суд. «Мне тяжело, как матери, — говорится в нем, — просить вас законом заставить сына не забывать свою мать, и это тем более потому, что он образованный человек, учитель».

Назначили суд, и тут Иван Григорьевич удивил своих односельчан: за полчаса до начала заседания он ласково взял мать под руку и повел в магазин. «Может, купить вам, мамаша, подарочек?». Мария Егоровна ничего не ответила, только беззвучно заплакала и вышла из магазина. «Сорвалось, — вздохнул Савин, — а хорошо бы на суде показать документик. Пожалуйста, даже гостинцы родительнице покупаю».

На суде «образованный человек», обложившись охапкой кодексов и справочников, рьяно доказывал, что помогать матери он не обязан, а если и будет из милости платить, то 50—60 рублей — «больше моя экономика не позволяет». (И действительно, ведь Иван Григорьевич со своей супругой зарабатывают всего две тысячи рублей в месяц!).

Суд вынес справедливое решение, обязывающее Савина ежемесячно выплачивать матери 150 рублей, но Иван Григорьевич остался тверд, как скала, и, не мешкая, настрочил на шести страницах кассационную жалобу. Чего только не написал он о своей матери! И «приписала себе годы, хотя еще не такая старая... но я все же не брал с нее квартирную плату». (Какая щедрость, какое благородство!). И «привыкла к праздному ничегонеделанию» (это о 66-летней труженице, славившейся до войны успехами своего звена, о матери, вырастившей пятерых детей и награжденной «Медалью материнства»). И, «воспользовавшись моим уважением к ней (так и написано!), стала требовать алименты»...

Состряпав кляузу, Савин отправился в Орел. Сняв шляпу, модный костюм, новые ботинки и прикинувшись казанской сиротой, опытный лицедей в потрепанном костюмчике и подшитых валенках направил свои стопы в областной суд. Затем разыскал юридическую консультацию и заручился поддержкой адвоката.

Но не помогло. Провести суд Ивану Григорьевичу не удалось.

«Ладно, я с тебя квартплатой сдеру», — решил Савин. И как только приехал в деревню, заявился к матери и вновь начал ее донимать:

— Плати, квартирантка Савина, или немедля выезжай из моего дома. Даю срок два месяца, а не то сам, безо всякого суда выселю!

Знают об этих проделках Савина и Моховский райком партии, и райисполком, и районное отделение милиции. Знают о горе матери в областном и районном отделах народного образования. Знают о том, что Савину доверено одно из самых почетных в Советской стране дел — учить детей, нести культуру в массы. Чему же может научить Савин, если он сам не научился даже заботиться о собственной матери?

Создавались комиссии, проверялись факты, составлялись пространные справки и докладные. В районных организациях возмущаются, сочувствуют, произносят гневные слова о гражданине, поправшем свои сыновние обязанности и замаравшем высокое звание учителя. Но прошло уже десять лет, а матери Савина так никто и не помог...

Очень хотелось бы, чтобы десятилетнее равнодушие к судьбе Савиной сменилось наконец в Моховском районе нормальной для советских граждан заботой о старом человеке.

В. КОМОВ

Моховский район,
Орловской области

НОВЫЕ КИНОТЕАТРЫ

МИНСК. (**Наш корр.**). В Белоруссии строится несколько новых больших зданий для кинотеатров. К концу года в Минске будут сооружены кинотеатры на 600 и 300 мест, а также первый в республике детский кинотеатр. Проектируется строительство большого двухзального кинотеатра.

Значительно расширяется киносеть в городах и районных центрах республики; к концу года они получат десять новых кинотеатров.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

КИЕВ. (**Наш корр.**). 9 июня состоялось заседание президиума правления ССПУ. Президиум освободил от обязанностей председателя правления Союза советских писателей Украины А. Е. Корнейчука в связи с его назначением первым заместителем председателя Совета Министров УССР. Председателем правления Союза советских писателей Украины единогласно избран М. П. Бажан.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БУДНИ СТАРОЙ РУМЫНИИ

«Вопиющая повседневность» — так озаглавлен один из рассказов безвременно скончавшегося румынского писателя коммуниста **Александру Сахия**, помещенный в книге его избранных произведений (**«Избранное»**. Гослитиздат. М. 1953. 118 стр.).

Рассказ состоит из четырех новелл — каждая в полстранички. Язык их скуп, почти протоколен: автор как бы кратко записывает в дневнике повседневные уличные сценки. Вот едва не раздавленный автомашиной, еле живой чахоточный горбун продает на улице газеты. Вот после 15-часового рабочего дня у трамвайной остановки бьется в припадке эпилепсии одинокая кельнерша. Кончает жизнь самоубийством девушка-студентка, понявшая, что после окончания университета ее ждут безработица и голод. Шестеро рабочих Бухарестской трамвайной компании каждую ночь спят прямо на земле — там, где весь день они были заняты своим безрадостным трудом...

Во всем этом, говорит автор, нет ничего особенного: это обыденные факты. Но именно в этой страшной обыденности и раскрывает Александру Сахия характерные черты *бесчеловечной, жестокой действительности* старой, буржуазно-помещичьей Румынии.

Александру Сахия было всего 29 лет, когда он в августе 1937 года скончался от туберкулеза. Но он обладал внимательным взглядом художника, острым умом мыслителя-публициста, темпераментом и отвагой коммуниста-гражданина.

Самые сильные рассказы сборника — «Смерть вольноопределяющегося» (1933 г.), «Возвращение с войны» (1934 г.), «Июньский дождь» (1935 г.). Рассказ «Возвращение с войны» автобиографичен; в основу остальных положены личные наблюдения автора, выходца из крестьянской среды, испытавшего на себе мерзости казарменного быта королевской румынской армии в годы пребывания в Крайовом военном лицее.

В рассказе «Возвращение с войны» Сахия страстно, с большой впечатляющей силой подлинного художника рисует последствия первой мировой войны, искалечившей тысячи честных тружеников.

«Смерть вольноопределяющегося» — новелла о беспросветной, жестокой судьбе молодых румынских парней, попавших в солдатскую казарму, где из них делали пушечное мясо, необходимое румынским капиталистам и помещикам для новой войны. Холодная и голодная жизнь в казарме, короткий сон по-трое на одной койке с колючими соломенными подушками, без простынь: «Никто не мог повернуться на спину или на живот. Все лежали в ряд. Если бы кто-нибудь лег, как ему хотелось, то другому не хватило бы места...» Вольноопределяющийся Сердич, измученный муштрой, простуженный и голодный, умирает в лазарете. Его, разутого и раздетого, поздней осенью закапывают в яме, возле которой «на выстроившихся в ряд крестах, будто на раскинутых руках, лежит снег». Вот и весь рассказ. Но сколько в нем смелой реалистической правды, как страстно разоблачается в нем бесчеловечный порядок старой Румынии, каким глубоким сочувствием к бесправным и бедным людям наполнена каждая его строчка!

С еще большей художественной силой написана новелла «Июньский дождь» — о «вопиющей повседневности» деревенской жизни. В знойный июньский полдень бедняки-крестьяне Петре и Ана Мэгэун убирают скудный урожай с клочка своей земли. Здесь, в поле, прямо на земле под телегой, Ана рожает двойню. Она вынуждена работать до самого последнего мгновения перед родами.

В рассказах «Сердце завода», «Восстание в порту», «Безработица для всех» Сахия повествует о бесчеловечной эксплуатации, о бесправии рабочего класса в старой Румынии. Но он говорит в своих рассказах о росте революционного классового самосознания румынских рабочих перед второй мировой войной, о глубокой классовой ненависти народа к своим угнетателям.

Сахия был коммунистом. Ему довелось побывать в Советском Союзе, участвовать в работе 1-го съезда советских писателей в 1934 году. Он ясно видел те новые силы, которые уже тогда созревали в Румынии, подготавливая коренное изменение ее общественного строя. Именно поэтому рассказы и статьи Александру Сахия были наполнены не только пафосом отрицания и разоблачения, но и пафосом утверждения, пафосом революционной ненависти и борьбы.

Читатель народно-демократической, возрожденной Румынии увидит в рассказах талантливого писателя свое недавнее прошлое, а мы, советские читатели, отдадим должное той гражданской честности и смелости, той благородной реалистической силе, которые были в высокой мере присущи Александру Сахия, одному из зачинателей современной народной литературы Румынии — страны, вставшей на славный путь великих социалистических преобразований.

Л. ЕРЕМИН

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Первая книга повести **Тамары Леоновой** называется **«Дома оставались жены»** (Челябинск. 1952. 174 стр.). По заголовку нетрудно догадаться о том, что произведение посвящено трудовым подвигам советских женщин во время Великой Отечественной войны. О трудовой доблести советских женщин этих лет интересно и талантливо написали многие советские литераторы. И в этом заголовке, раскрывшем тему книги, сказалась уверенность Т. Леоновой в своих творческих силах.

Содержание первой книги повести говорит о том, что уверенность эта оправдана. В ней есть своя «живинка» в изображении человека, в показе местности, событий, своеобразия колхозной жизни. Автор пишет: «Молодежь Михайловского пережила несколько увлечений. Одно время вошли в моду патефоны. Почти в каждой семье появились веселые разноцветные чемоданчики и горы пластинок. Председателю сельпо беспрестанно заказывали новые пластинки, давали поручения Максиму Захаровичу в Челябинск — привезти новые песни. Потом интерес к патефонам охладел и их надолго оставили в покое. Девушки и парни обзавелись велосипедами и соревновались в быстроте езды. Когда же комсомол организовал стрелковый кружок, все велосипедисты переключились сюда. Никто тогда не думал, что из этого кружка выйдет снайпер Ванюшка Мячин». Трудно лучше изобразить так наглядно и коротко и отличие современной колхозной жизни от быта деревни прошлых лет и зажиточность нашего трудового крестьянства. Свои краски есть у Т. Леоновой в изображении челябинской степи, леса, бурана, не раз описанного более уверенным и сильным пером прославленных русских писателей.

Заводская нормировщица Александра, сумевшая ввести в колхозе заводскую дисциплину труда, бухгалтер Женя, решившая «научиться делать вещи», экономист Лена Мищенко, ставшая настоящей «ударницей полей», — все это не новые литературные образы. Но Т. Леонова сумела показать горожанок, эвакуированных во время войны в колхоз, в новом освещении. Ее герои отмечены характерными чертами, которые отличают их от персонажей, изображенных ранее советскими писателями. У Т. Леоновой эти образы оживлены свежестью чувства, они даны в ее авторском видении. Вот это «свое», найденное молодым беллетристом в изображении людей и природы, делает новым далеко не новый сюжет, а первую книгу повести — интересной для чтения.

Тем не менее книга еще далека от художественного совершенства. Автор, умея хорошо видеть и свежо писать картины человеческой жизни, подчас переходит к трафарету. Трафаретно искусственное замедление истории обоюдной любви Максима и Лены. Читателю давно известно, что они любят и будут счастливы друг с другом, но автор, по канону, растягивает описание любовных переживаний, пускается в беспредметные рассуждения: «Необъяснимы пути зарождающегося чувства. Разве он сказал ей что-нибудь? Разве она сама подумала что-нибудь определенное? Кто он? Она еще не знает этого. Знает ли он ее? Что он о ней знает? Она еще ничего, ничего не знает...»

Есть в повести и неудачные фразы: «Что ни задумают, так уж всех взбулгачат», «...плюхнул на голову замасленный картуз...», «она могла бы сейчас итти и итти... хватая смеющимся ртом обжигающий, морозный воздух».

В появлении этих неудачных оборотов можно упрекнуть и редактора книги Р. Ушеренко. Однако у самой Т. Леоновой достаточно развит вкус к слову, чтобы следить за чистотой литературного стиля. Об этом говорит большинство страниц книги, написанных хорошим литературным языком.

Перед молодой писательницей открыт большой и светлый путь. И мы, читатели, пожелаем ей:

— Счастливого пути!

Лидия СЕЙФУЛЛИНА

ПОЭТ И ПЕДАГОГ

В одной из школ
Слушок прошёл.
Прошла молва
О том,
Что в этой школе, в пятом «А»,
Есть ученик с хвостом.
С хвостом?
С хвостом!
С каким хвостом?
Ответьте на вопрос нам:
С хвостом
В значении простом
Иль только в переносном?

Так весело и чуть лукаво начинается стихотворение «Хвост», напечатанное в сборнике узбекского поэта **Куддуса Мухаммади «Школьник и весна»** (Детгиз. 1953. 64 стр. Редактор В. Инбер). Поэт остроумно высмеивает отстающих учеников, у которых вырос «хвост» учебных долгов:

Хвостом-мечом вооружен
В песках живущий скорпион...
Хвостом украшен чиж и дрозд,
Индюк, павлин, фазан...
Но ни к чему твой пышный хвост,
Товарищ Тургунджан!

(Перевод С. Маршака)

К. Мухаммади много лет был школьным учителем, в нем удачно сочетаются прекрасный педагог и одаренный поэт. Его стихи очень доходчивы. Поэт словно берет своего юного читателя за руку и ведет за собой в школу, во Дворец пионеров, в новый дом, на хлопковые поля и в сады.

В основе творчества К. Мухаммади лежат традиции лучших советских детских поэтов. При этом он сохраняет национальное своеобразие и остается всегда самобытным. Без скучной дидактики и назойливых поучений говорит поэт о высоких моральных качествах, какими должен обладать советский школьник: о благородстве, честности, прилежании; любви к труду. Мысль о красоте труда, о его пользе для человека проходит через всю книгу. Она — и в аллегорическом стихотворении «Пчела и бабочка», и в стихах о колхозном старом пастухе «Риза-бобо» и об «усердном работнике» — шелковичном черве, и в шуточном стихотворении «Сапоги».

В стихах Мухаммади почти нет абстрактных и общих мест.

Поэт умеет найти точную поэтическую деталь, дать зримый образ. Волна реки у него «горбата, как верблюд», в новом доме так много этажей, что «на последний снизу глянешь — тюбетейку придержи», о шелковичном черве автор говорит и поэтично и конкретно: «Себя волокном обволок он. Качаясь, он вьёт себе кокон».

Страница за страницей книга раскрывает перед юным читателем большой, прекрасный мир, в котором он живет, и логически подводит к мысли, выраженной в завершающем сборник стихотворении «Кто сильнее всех на свете». Сильнее всех человек.

Сборник свидетельствует о свежем и своеобразном даровании Куддуса Мухаммади, стихи которого в большинстве случаев удачно перевели русские поэты.

Узбекская детская поэзия очень молода. Всего три-четыре писателя пишут специально для детей. И весьма отрадно, что среди них имеется такой способный поэт, как К. Мухаммади.

Л. БАТЬ

СТИХИ ИВАНА ШАМОВА

Был прерван в небе мой полет,
Теперь прикован я к постели.
Но я опять иду на взлет,
Стихом и песней бью по цели...

Так начинает первую свою книгу **«Дежурное звено»** (Воениздат. 1953. 64 стр.) поэт **Иван Шамов**, участник Великой Отечественной войны, бывший летчик-истребитель. Выведенный из строя в результате аварии и обреченный на неподвижность, он нашел смысл жизни в поэтическом творчестве.

Еще до выхода книги И. Шамов напечатал ряд стихотворений в периодической печати. Его стихи, положенные на музыку Б. Мокроусовым, К. Листовым и другими, часто звучат в эфире, в концертных залах, с клубных подмостков. Читая его книгу, радуешься, находя стихи, давно известные. Приятно узнать, что его перу принадлежит полюбившаяся молодежи лирическая песня «На лавочке» — о парне, который «с милой девушкой никак не распрощается».

Естественно, что лучше всего удаются Ивану Шамову стихи о боевых подвигах и мирной жизни летчиков. Поистине безмерной любовью к своей профессии отмечены многие зарисовки авиационного быта («Дежурное звено», «Перед полетами», «ПО-2», «Первый вылет»).

Как живые, встают перед нами и тридцатилетний командир полка, которого летчики любовно называют «батей», и сыновья летчика «два Кузьмича», и выпускник, только что прибывший в полк из училища...

О своих героях Иван Шамов пишет с ласковой улыбкой. Он шутливо подмечает, что глаза у влюбленного парня, «быть может, не прекрасные, но, в общем, подходящие»; в рассказе летчика о сыновьях он не без юмора использует летные термины:

У ворот они встречают,
Дверь раскроют, тащат стул:
— Папа! Папка! — окружают, —
Как ты нынче подлетнул?

...О полетах потолкуют,
А потом пойдет возня:
Крепкой парой атакуют
С разных ракурсов меня.

От этой книжки веет мужеством, душевным здоровьем, нравственной чистотой, и хочется простить автору все незрелые строки и неудавшиеся стихи.

Но надо ли их обходить?

Прочитав книгу Шамова, чувствуешь — не такой характер у этого человека, чтобы он нуждался в поблажках и скидках. Ведь поэзия стала для него делом жизни. Он одаренный поэт, он должен расти, двигаться вперед. И не сказать ему о недостатках первой книги — значит помешать его развитию.

Шамов сам это прекрасно понимает. В стихотворении «Письмо из полка», написанном как бы от имени летчиков-читателей и основанном, несомненно, на подлинных письмах, читаем:

И полет, и песня —
Все тебе с руки.
Правда, в смысле рифмы
Мы не знатоки.

...Ты в стихах пока что
Кое-где «козлишь»...
. . . .
Мы с тебя ведь спросим
Много, — так и знай!
Ты пиши покрепче,
Выше забирай!

Нельзя не присоединиться к этому голосу друзей, голосу самого поэта. Нельзя не сказать Шамову, что встречаются у него небрежные строки, приблизительные рифмы.

Надо избавляться от таких трескучих фраз, как «всюду труд кипит упорный, песнь крылатая звенит», «в молодой груди задор». Нельзя говорить о реактивных самолетах, что они идут «волною дивною», нельзя рифмовать «полет» и «взлет»...

Редакторы книги В. Вихлянцев и И. Стадник недостаточно помогли автору.

Поэт нуждается в творческом общении, в поэтической среде. Московская секция поэтов должна принять живейшее участие в его судьбе. Нужно устроить обсуждение его сборника и тех новых стихов и песен, которые им написаны.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Семен ГУДЗЕНКО

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Семен Гудзенко — один из талантливых представителей того поколения молодых советских поэтов, юность которого совпала с грозной годиной Великой Отечественной войны. Многие поэты этого поколения, в том числе и Семен Гудзенко, выросли и возмужали, служа в рядах Советской Армии, участвуя в боях и походах.

Тема армии, тема воинской доблести и мужества были главной темой поэзии Семена Гудзенко на всем протяжении его творчества.

Три стихотворения, которые «Литературная газета» печатает сегодня, — последние стихи поэта. Они написаны в больнице в те месяцы, когда поэт мужественно боролся с тяжелой болезнью — последствием давней фронтовой контузии. Врачи употребили все свое искусство, но болезнь оказалась сильней, и этой зимою нам пришлось с грустью проводить в последний путь совсем еще молодого человека, талантливого поэта, написавшего несколько книг стихов о нашей армии и, если бы не болезнь, способного сделать еще очень много хорошего. Об этом говорят и последние его стихи. Это — не стихи больного человека, это—мужественные, полные веры в жизнь и в людей стихи бойца, до конца сражающегося с тяжелым недугом: они полны оптимистической веры в жизнетворящую силу любви и дружбы. Да, эта сила подчас, как ни печально, не в состоянии вернуть к жизни человека, если он болен смертельно, но как часто она спасает людей, находящихся между жизнью и смертью, наперекор болезням, кладя на чашу весов и собственную волю человека к жизни и волю друзей, стремящихся спасти его!

Константин СИМОНОВ

◇ ◇ ◇

1.

Я пришел в шинели жестко-серой,
выданной к победному концу,
юный, получивший полной мерой
все, что полагается бойцу.

Для меня весна постлала травы,
опушила зеленью сады,
но из-за военной давней травмы
побывал я на краю беды.

Сон мой был то беспробудно жуток,
то был чутче гаснущей свечи,
жизнь мою спасали много суток
в белом, как десантники, врачи.

На Большую Землю выносили
сквозь больницы глушь и белизну,
словно по завьюженной России,
первою зимою, в ту войну.

Смерть, как и тогда, стояла рядом.
Стыл вокруг пустынный черствый снег.
Кто-то тихо бредил Сталинградом,
звал бойцов, просился на ночлег.

Все мои соседи по палате
в белоснежных девственных бинтах,
были и в десанте, и в блокаде,
и в других неласковых местах.

Мы врага такого одолели —
никому б его не одолеть,
на войне ни разу не болели,
а теперь случилось заболеть.

Наша воля делалась железней
с каждой новой битвой, с каждым днем.
Есть еще силенки, — и болезни
тоже одолеем и сомнем.

Я угрюмо зубы сжал до хруста,
приказал себе перетерпеть.
Незачем, пожалуй, править труса,
выбор небольшой:
— жизнь
— или смерть.

Медленно пошел я на поправку,
вытянули жизнь мою врачи,
как весною чахнущую травку
из-под прели добрые лучи.

Вопреки сомненьям маловеров, —
кто уже, отчаявшись, не ждал,
как тогда, в шинели жестко-серой,
на ноги я крепнущие стал.

И опять в больничном коридоре
я учусь ходить —
хожу смелей.
Всем ходячим недругам на горе
став и несговорчивей и злей.

Ждет меня любимая работа,
верные товарищи, семья.
До чего мне жить теперь охота,
будто вновь с войны вернулся я.

2.

Как без вести пропавших ждут,
меня ждала жена.
То есть надежда,
то слеза —
без спросу упадет.
Давно уж кончилась война,
и не моя вина,
что я в разлуке целый год,
что столько горестных забот.

. . . .

Жестка больничная кровать,
жестка и холодна.

А от нее рукой подать
до светлого окна,
там за полночь не спит жена,
там стук машинки, скрип пера.
Кончай работу, спать пора,
мой друг, моя помощница,
родная полуночница.

Из-за стола неслышно встала,
сняла халат, легла в постель.
А от нее за три квартала,
а не за тридевять земель,
я, как в окопе заметенном,
лежу, тревожно, начеку,
привыкший к неутешным стонам,
к мерцающему ночнику.
Лежу, прислушиваясь к вьюге,
глаза усталые смежив,
тяжелые раскинув руки,
еще не веря в то, что жив.
Но мне домой уйти нельзя,
трудна, длинна моя дорога,
меня бы увезли друзья,
их у меня на свете много,
но не под силу всем друзьям
меня отсюда взять до срока.
Жду. Выкарабкиваюсь сам,
до счастья, как до звезд, далеко.
Но приближается оно,
когда ко мне жена приходит,
в больничный садик дочь приводит,
стучит в больничное окно.

Ее несчастье не сломило,
суровей сделало чуть-чуть.
Какая в ней таилась сила!
Мне легче с ней и этот путь.
Пусть кажешься со стороны ты
скупой на ласки, слезы, смех, —
любовь от глаз чужих укрыта,
и нежность тоже не для всех.
Но ты меня такою верой
в печальный одарила час,
что стал я мерить новой мерой
любовь и каждого из нас.
Ты облегчила мои муки,
все вынести мне помогла.
Приблизила конец разлуки,
испепеляющей дотла.
Благословляю чистый, чудный,
душа, твой отблеск заревой,
мы чище стали в жизни трудной,
сильнее — в жизни горевой.
И все, что прожито с тобою,
все, что пришлось нам пережить,
не так-то просто гробовою
доской, родная, задушить.

3.

И снова жизнь.
Звенит капель.
И в переулочных глубинах,
за легкой дымкою апрель,
весь в зелени, на ножках длинных
у отворенного окна
хохочет звонко вслед прохожим,
мальчишкам, на него похожим,
орущим, что пришла весна,
бредущим наугад по теплым
каменьям, вспененным ручьям,
увеличительные стекла
подставив солнечным лучам.
И я, пути не разбирая,
бреду по мокрой мостовой,
опять весна, опять живой.
Милее, чем ворота рая,
мне дверь заветная одна.
Я снова у того порога,
где ждут меня, где жизнь моя.
И не тяжка моя тревога,
дочь, не пугайся, — это я.
Меня встречают на пороге,
целуют, под руки берут,
и хоть не слушаются ноги,
хоть каждый шаг — и боль, и труд,
иду, надеждой окрыленный,
что дома и что вновь живу,
гляжу в оконцо на зеленый
апрель, ворвавшийся в Москву.
Здесь всех начал моих начало,
здесь узел всех моих дорог.
Слеза упала, легче стало,
я на кровать свою прилег,
и наклонилась к изголовью
та с вечно молодым лицом,
мы с ней обручены любовью
покрепче, чем любым кольцом,
и губ ее прикосновенье
в меня вдохнуло столько сил,
что я бы камень преткновенья
хоть в тонну весом своротил.
Как прежде, сдержанна при третьем
(пусть даже это наша дочь).
Давай погасим свет
и встретим
по-праздничному эту ночь.
Но я, как на войне солдаты,
боюсь загадывать вперед,
быть может, общая палата
меня уже обратно ждет,
но даже если жизнь мгновенна,
я счастлив жить
и вновь, и вновь
твержу: да будь благословенна
жена, хранившая любовь.

ДИДАКТИКА ВМЕСТО ОБРАЗА

Жизнь Белинского, полная драматизма, страстных исканий, героической борьбы, — благодарная тема для советского художника. Эту тему избрали авторы нового биографического фильма «Белинский» — Ю. Герман, Е. Серебровская, Г. Козинцев. Однако уже первые кадры картины порождают чувство неудовлетворенности, а чем дольше смотришь на экран, тем сильнее испытываешь разочарование.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский писал: «Идея, вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности». Быть может, эти слова лучше всяких других объясняют главную причину неудачи фильма.

Его авторов нельзя упрекнуть в том, что они плохо изучили историко-биографический материал или неправильно представили себе фигуру Белинского, его историческую роль в освободительном движении русского народа; в работе над картиной они руководствовались известным указанием Ленина о том, что в России 40-х—60-х годов все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Это видно уже по начальным эпизодам картины, изображающим кровавую расправу царских карателей с восставшими против своего помещика крестьянами. В соответствии с исторической правдой — на фоне борьбы с крепостничеством и царизмом — авторы стремились показать и всю деятельность Белинского. Многие ее стороны нашли в картине верное историческое освещение. Так, в заключительном эпизоде показано, что знаменитое письмо Белинского к Гоголю было продиктовано не только стремлением сохранить для русской литературы ее великого художника, но и задачами непосредственной революционной борьбы.

В фильме Некрасов, прочитав письмо, говорит: «Тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. Это манифест! Виссарион Григорьевич, это письмо будет ходить по рукам в сотнях списков...»

Можно было бы привести и другие примеры, подтверждающие правильность общего идейного замысла картины. Но ее идея, говоря словами Белинского, «понятая, как должно», не была проведена авторами «через собственную натуру»; обширный историко-биографический материал не воплотился в живые, яркие образы.

Хронологически рамки повествования ограничены петербургским периодом жизни Белинского. Это годы наиболее зрелых его выступлений. Но ведь и в это время философские, общественно-политические и эстетические взгляды критика не были окончательно сформировавшимися, застывшими раз и навсегда. Они изменялись, совершенствовались, это был напряженный процесс идейного роста, обусловленный развитием русского освободительного движения, его переходом ко «второму этапу», к полному вытеснению дворян разночинцами.

Ленин писал о том, что «в течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории»; это имеет прямое отношение именно к Белинскому. Между тем в фильме нет и следа этих исканий, нет даже намека на идейное развитие критика. Его образ статичен: каким мы впервые встречаем Белинского в редакции «Отечественных записок», таким он остается до самого конца повествования. Уже по этой причине живая, страстная, могучая фигура его предстает перед зрителем обедненной, лишенной жизненной достоверности, глубины и многогранности.

Современники оставили нам немало свидетельств, позволяющих судить о личности Белинского. Герцену принадлежат поразительные по своей яркости и проникновенности портретные зарисовки, кстати, вовсе не использованные в фильме. Вот одна из них: «...в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура! Да, это был сильный боец! Он не умел проповедывать, поучать, ему надобен был спор... Когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль».

Как не похож на этого Белинского тот, которого мы видим в фильме! Тут нет ни застенчивого человека, ни мощной гладиаторской натуры. Мы видим резонера, который пользуется любым случаем как фаз для того, чтобы проповедывать и поучать. И надо отдать должное авторам — они не поскупились на изобретение всевозможных поводов для поучающих речей и реплик, нередко даже принося в жертву логику развития действия. Многие сюжетные положения фильма созданы только для того, чтобы главный герой имел возможность изложить свои взгляды по тому или иному вопросу. Артист С. Курилов, не лишенный актерского обаяния и такта, в некоторой мере скрашивает риторичность образа, но он, разумеется, не может полностью преодолеть недостатки роли.

Чтобы убедиться в этом, присмотримся хотя бы к сцене свидания Белинского с Герценом (арт. А. Борисов). Зритель уже догадывается, что их связывают какие-то общие интересы, имеющие отношение к подпольной революционной деятельности, и, естественно, хочет узнать, что же произойдет во время самой встречи. И вот, наконец, она состоялась. О чем же всю ночь до утра разговаривали два великих революционера? Оказывается, они горячо убеждали друг друга в том, что для каждого из них давно уже стало аксиомой политической борьбы: в том, например, что нужно «шатать и расшатывать двуглавое чучело самодержавия», или в том, что «помещик, заковывающий в цепи крепостного, и европейский фабрикант, богатеющий за счет своего голодного работника, составляют только видоизменение одного и того же людоедства».

Как бы ни старались артисты оживить эту беседу, они не в состоянии заставить зрителя поверить в ее правдивость. Такой же искусственной, имеющей чисто служебное назначение, выглядит и сцена спора Белинского в библиотеке Московского университета со славянофилами. К тому же идейные противники Белинского выглядят столь ничтожными, они так охотно сами ложатся на обе лопатки, что «гладиатору» и «барсу» тут делать нечего: Белинскому, каким он показан в фильме, остается только, скучая, «снисходить» до спора с ними.

Почему в картине мы находим так мало заботы о психологической правде, о внутренней логике развития событий? Слова Белинского, приведенные выше, помогают ответить на эти вопросы: чтобы идея не оставалась для художника «мертвым капиталом», она должна быть «не в голове только, а прежде всего в сердце, в крови пишущего», на ней должно «отпечататься» присущее автору творческое своеобразие.

Писатель Ю. Герман и режиссер Г. Козинцев — зрелые и талантливые художники, с давно установившимся творческим почерком. Но в картине «Белинский» странным образом отсутствует творческая индивидуальность и того и другого. Глядя на экран, мы то и дело вспоминаем, что многие кадры, проходящие перед глазами, давно уже знакомы нам по другим картинам. Вот бегут восставшие мужики с вилами наперевес, вот горит помещичья усадьба, вот герой смотрит вдаль, вот он с развевающимися волосами появляется на фоне бескрайних полей и кучевых облаков, — все это как будто взято напрокат из давно виденных биографических фильмов.

Стремясь поместить главного героя в среду близких ему людей, авторы ввели в картину множество «знаменитостей», которые появляются на несколько мгновений, чтобы тотчас исчезнуть, не оставив следа в памяти зрителя. Таковы Чернышевский, Григорович, Тургенев — в сущности, они только названы по именам и вовсе лишены признаков художественной характеристики.

Между тем один из лучших эпизодов фильма — свидание Белинского с Гоголем со всей очевидностью показывает, что авторы могут подняться до уровня, несравненно более высокого, когда они заботятся о психологической правде. Артист Г. Вицин, играющий Гоголя, оказался превосходным исполнителем этой трудной роли. Но дело не только в его тонкой и содержательной игре: успех сцены заключен и в самом сценарном материале, и в его режиссерской трактовке. Хорошо намечен в фильме образ Лермонтова (артист Н. Афанасьев), впечатляет сцена встречи в тюрьме поэта с Белинским. К сожалению, эти удачные кадры резко контрастируют с общим уровнем картины. Ее стиль можно определить, как сухой дидактизм, а он, как известно, никогда не приводил к творческим победам.

Создавая историко-биографические фильмы, необходимо отойти от неверного принципа иллюстративности, преодолеть сложившиеся штампы. Опираясь на плодотворный опыт лучших фильмов этого рода, наши мастера могут создать полноценные кинопроизведения, в которых образы великих людей прошлого предстанут в неразрывном единстве с исторической эпохой, с породившим их народом, будут показаны правдиво и увлекательно, средствами подлинного искусства.

В. ЖДАНОВ

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

Рассказы о простых людях

На протяжении двадцати лет мы знали Дмитрия Осина, как поэта со своим, хотя и негромким, но выразительным голосом. Недавно — в самые последние годы — мы узнали его, как рассказчика, новеллиста.

Первая книжка прозы Д. Осина, состоящая из девяти рассказов, имеет ряд достоинств. Среди них одно из главных — знание того, о чем пишет автор. В различных житейских и профессиональных обстоятельствах действуют герои рассказов Д. Осина, но их поступки, их размышления не «взвешены» в некоей абстрактной пустоте. Нет, живые подробности, точно и деловито введенные автором в ткань рассказа, каждый раз так полновесно и зримо со всех сторон обступают читателя, что он верит в подлинность происходящего. В этой вере — половина успеха художника слова. Подлинный реализм, кроме верности большой правде жизни, требует от писателя и тщательности в изображении деталей повествования. Эти подробности жизни щедро рассыпаны по страницам рассказов Д. Осина.

«Темным горьким дымком потянуло на ясный месяц, и он замглился,— пишет Д. Осин.— Прокричали петушки на ферме, сильно всплеснул в реке сом».

Лапидарность стиля здесь счастливо сочетается с точностью описания, и потому эти строки верно и зримо передают картину летней ночи. Прекрасно описаны Осиным и костры лесорубов, в которых «с пороховым азартом трещит хвоя», от которых «несет жирной смолистой гарью».

Или вот другой отрывок из того же рассказа — о том, как пилят сосну: «Цвет крупы, вылетающей из распила, меняется: вначале она темнокоричневая, крупная, как гречка, потом — смолисто-желтая, дробленая, как перловый продел, а теперь — мягкая, нежная, точно манка».

Очень хорошо сказано о строительной кладке: «Раствор выступил неровными серыми жгутиками между кирпичами».

С подкупающей точностью схвачено и передано восклицание героя, который видит, как из-под гусениц трактора вылетают плитки спрессованного снега: «Ишь, пряники выдает!.. Ни дать ни взять — тульские!»

Все эти «частности» очень важны для письма Д. Осина — зоркого, уверенного, реалистически оснащенного. Большая словесная культура описаний, присущая его рассказам, особенно примечательна на фоне широко распространенной в нашей прозе приблизительности в описаниях обстановки действия.

Но если бы рассказы Д. Осина были ценны только верно схваченными подробностями, этого было бы недостаточно, чтобы говорить о них, как о серьезных явлениях художественной прозы. Жизненные подробности хороши только тогда, когда за ними стоит человеческий характер, раскрываемый писателем в богатстве его внутренней жизни. Д. Осин, безусловно, владеет мастерством психологической характеристики. Тонко, лирично, с массой впечатляющих подробностей изображена им в рассказе «В середине лета» любовь, возникающая между двумя пожившими и повидавшими виды людьми: вдовой-колхозницей, Героем Социалистического Труда Софьей Строговой и недавно демобилизованным сапером, плотником Липовкой, которому поручено выстроить для Строговой новый дом. Сдержанная стыдливость глубокого и сильного чувства, красота внутреннего мира этих людей новой, социалистической деревни раскрыта Д. Осиным ярко и своеобразно.

Как и в рассказе «В середине лета», в «Большом Днепре» речь идет о рождении любви. Но эта юная любовь совсем не похожа на чувства Липовки и Софьи.

Один из героев рассказа — Женька-Ефрем, чуточку завистливо наблюдающий за влюбленной парой — Васенкой и Алексашей, «подслушал все, что говорилось, хотел ухнуть филином, напугать их, но удержался, прилег под золотой вербный куст у дороги и подождал, пока вокруг затихло». Автор и его герои как бы боятся неосторожным словом или жестом спугнуть большую, хорошую любовь юных сердец, возникающую у них на глазах. В этом рассказе Д. Осина есть подлинная поэзия молодости, здоровья, счастья. Живет она и в других рассказах — в «Негромкой силе», где изображены своеобразные характеры молодой девушки кузнеца Марьяны и ее подруги Клавы, в рассказе «Ранний звонок», где дан сильный образ делегатки второго Всемирного конгресса сторонников мира, колхозной активистки Ольги Бондаревой, человека с большим сердцем и незаурядным умом.

Герои рассказов Д. Осина — рядовые работники колхозов, пильщики, лесорубы, сплавщики, конюхи, скромные телефонистки, низовые партийные и советские работники и многие другие труженики. Рассказам Д. Осина присущ подлинный демократизм. Чувствуется, что писатель не гонится за тем, чтобы обязательно показывать только одних героев, людей выдающихся. Нет, он с любовью и уважением рассказывает о простых советских людях, «винтиках» нашего великого государственного механизма.

Д. Осин не упрощает, не лакирует жизнь. Он показывает людей во всей сложности их раздумий и чувств. Он не чурается показа недостатков, теневых сторон жизни. Но он всегда говорит о них так, что читателю видна большая и ясная перспектива нашего общественного развития, неизбежная победа нового, коммунистического начала.

С каждым годом все с большей наглядностью становится очевидным, что наша литература успешно выполняет один из основных заветов Горького — показывать трудотворческую энергию масс, воспевать деяния строителей коммунизма. Большое обаяние героям Д. Осина придает то, что они всегда показаны именно в этой своей деятельности.

Д. Осин принадлежит, как мне кажется, к тому направлению современной прозы, которая связана с именем Чехова. Внимание к детали, стремление изобразить поток жизни в ее обыденных, будничных проявлениях, сознательный отказ от резкой акцентировки событий, от лобовых решений темы, мягкая лиричность в изображении человека — вот что отличает художественную манеру Д. Осина. В этой литературной манере есть много неоспоримых достоинств. Она позволяет глубоко заглянуть во внутренний мир человека, не навязывая читателю поспешных и чересчур оголенных выводов; она способна увлечь его наглядностью в изображении жизненного процесса.

И в то же время эта манера, этот подход к изображению больших дел и событий современности подчас дают и осечку. На наш взгляд, Д. Осин правильно поступает, когда в самом развитии характера героев стремится проследить пафос больших социальных процессов. Но, увлеченный «вкусными» реалистическими подробностями, писатель иногда упускает главное. В рассказе «Большой Днепр» Д. Осин рассказывает о том, как люди ведут по реке плот, предназначенный для нужд одного из крупных строительств. Но, как только плот начинает приближаться к цели своего маршрута, автор умолкает. К этому времени он исчерпал свой сюжет, досказал все, что хотел, о ярких и значительных характерах своих героев. Он торопится поставить точку.

Схожая ситуация — в рассказе «На ферме». С одной стороны, автор как будто намерен показать, сколько подлинной творческой поэзии заключено в таком прозаическом деле, как выращивание породистых коней. В этом плане интересно намечен образ Якуни, недавно пришедшего из армии. Но, едва коснувшись этой темы, автор уходит в сторону,— ранение колхозника Осипа, продажа породистой кобылы соседнему колхозу вытесняют основную тему. Подробности второго плана, подчас хорошо, талантливо выписанные, вытесняют то, что могло бы стать главным пафосом рассказа,— приобщение Якуни к большому, новому для него делу.

Или взять, например, один из наиболее зрелых рассказов Д. Осина — «Ранний звонок». Фигура Ольги Бондаревой, о которой уже шла речь выше, написана уверенно, сильно. Но, странное дело, автор хорошо показывает будничные дела и поступки героини, но полуобходит все, связанное с пребыванием Ольги на втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве. Д. Осин показывает, как Ольга Бондарева выступает перед колхозниками с отчетом о конгрессе. Но все это написано бегло, в нескольких фразах, гораздо слабее, чем дан быт или душевные движения героев в их обыденной жизни. Едва начав рассказывать о речи Пак Ден Ай на конгрессе, Осин перебивает сам себя: «Разве можно было передать все, что происходило? Ольга Бондарева чувствовала, что у нее не хватит для этого ни слов, ни умения».

Конечно, у Ольги Бондаревой такого умения может не оказаться. Ну, а у самого Осина? Не является ли в данном случае ссылка на героиню лишь псевдонимом авторской робости?

Мягкие полутона, метод косвенной психологической характеристики — все это вряд ли годится для описания такого торжественного и яркого события, каким был Всемирный конгресс сторонников мира. Нельзя старыми чеховскими приемами, как бы гениальны они ни были, исчерпать и великие темы строительства коммунизма. Останавливаясь на полупути, лишь обещая, но не раскрывая больших тем современности, избегая прямых решений, писатель может обеднить свое творчество.

Нам кажется, что правильное решение вопроса заключается в том, чтобы, учась у великого мастера русского рассказа, не ограничивать себя в выборе изобразительных средств тонами его палитры, а прибавить к ним свои, свежие краски, рожденные большими событиями современности.

Иногда рассказ незаконно теряет у нас присущую ему лаконичность и четкость построения. Он начинает напоминать зарисовку или информационный очерк. А это уже вредит его художественной цельности и остроте. Очерк и зарисовка — законные и полезные жанры. Но подменять рассказ они не вправе, особенно, когда речь идет о раскрытии внутреннего мира героя, когда надо показать становление его характера.

Боязнь слишком «огрубленной» сюжетной четкости зачастую приводит Д. Осина именно к тому, что рассказ распадается у него на отдельные, талантливо выполненные зарисовки, слабо скрепленные между собой. Таков «Красный Бор», такова отчасти и «Тревожная ночь». Характеры героев теряют здесь свою четкость, расплываются в некоей аморфности.

Именно чеховского-то мастерства здесь как раз и нет, ибо при всей своей кажущейся лирической расплывчатости Чехов — великий мастер «скрытого» сюжета, развивающегося не в смене головокружительных событий, а в нарастании внутренних психологических коллизий. Так построены «Дама с собачкой», «Дом с мезонином», «Крыжовник» и другие его лучшие вещи. Об этом тоже стоит напомнить и Д. Осину и многим другим нашим новеллистам.

Д. Осин всегда взволнованно говорит о природе, у него прекрасно получаются описания лесов, рек, закатов, снегов. Но они у Д. Осина не самоцель и не ими ограничен его кругозор. Осин видит и любит новое в колхозной деревне. И то, как он описал телефонный звонок, раздающийся в доме Ольги Бондаревой ранним утром, и то, как показаны им гармонисты, играющие на плоту веселые марши, и то, с какой поэтичностью автор говорит о стрекоте трактора, вплетающего свою песенку в обычный среднерусский пейзаж, и то, как передает он разговоры о трудоднях, споры о награждении передовых колхозниц, — все эти детали и приметы говорят об органичности нового быта, нового пейзажа, новой психологии героев для рассказов Д. Осина.

Но случается, Осин теряет чувство меры и это новое, присущее языку современной деревни, нагнетает в таких количествах, что оно начинает выглядеть чуть-чуть неправдоподобно, фальшиво. А ведь известно, что в искусстве именно это «чуть-чуть» часто решает все дело. Вот пример. В хорошем рассказе «Лучший месяц» Д. Осин описывает передовых колхозниц, овладевающих научными методами борьбы за урожай. Но, право, для того, чтобы показать это, не стоило вводить такой, например, монолог колхозницы Веры Костиной:

«— Узкорядный да перекрестный большой эффект дадут, вот увидишь... И насчет гранулированных не сомневайся. Если по зерновым двадцать пять процентов прибавки дают, почему нам на льне не взять?»

В начале статьи мы говорили о том, что Д. Осин хорошо знает описываемый им жизненный материал. Но, случается, он перегибает палку, несколько кокетничая этими знаниями. В рассказе «Проволочник» Д. Осин описывает уход за свеклой. Появляется глагол «шаровать». Такой технический термин существует, и его можно было ввести в повествование. Но вводить подобное слово надо так, чтобы читателю, не имеющему специальных знаний, сразу было бы ясно, что оно обозначает. У Д. Осина же оно дано без таких объяснений и потому «не работает». А что такое шленская шерсть, из которой валяют валенки в рассказе «Красный Бор»? Можно ли вводить без всяких авторских объяснений термин хлысты, обозначая им сосновые бревна? Так, действительно, говорят на лесозаготовках, но ведь не всем читателям это известно. Качалка в обиходе общерусского языка — разновидность кресла. Работники коннозаводства, однако, называют качалкой маленькую легкую тележку, в которую садится объезжающий лошадь конюх или жокей. Можно ли было без всяких пояснений вводить это слово в текст рассказа? По-моему, поступая так, Д. Осин проявляет ненужное щегольство, ненужное подчеркивание того, как, дескать, хорошо он освоил материал.

Вспомним, как в таких случаях поступали классики. Л. Толстой в «Казаках», вводя слова, незнакомые или слабо знакомые русскому читателю, выделял их курсивом. Он считал необходимым в специальных сносках объяснить такие понятия, как чувяки, абрек, он даже специально разъяснял смысловой оттенок, который казаки вкладывали в общерусские слова: *ныня, малолетки.*

Толстой пишет в самом художественном тексте своей повести: «огромное пистонное ружье, называемое у казаков *флинтой*»..., «Лукашка прозван *Урваном* за молодечество, за то, что казачонка вытащил из воды, *урвал*»... Везде — забота о читателе, о доступности формы своих произведений. В сносках к рассказу «Набег» Л. Толстой объясняет такие слова, как балка, джигит, кунак.

Гоголь предпосылает «Вечерам на хуторе» специальный словарь.

Отстаивая от критиков такие коренные русские слова, как *хлоп, молвь* и *топ*, Пушкин говорил:

«Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

Пушкин был совершенно прав. И прав Д. Осин, когда он любуется русским словом, когда он вводит в язык своих героев и в авторскую речь некоторые не очень широко употребительные, но хорошие и ясные русские слова, обороты. Прекрасно, в духе народной речи сказано в рассказе «В середине лета»: «платок на голове сидел *петушком*». Хорошо применен к стеблям льна эпитет *гонкие*. Вполне уместно в речи героя рассказа «Проволочник» Северьяна словечко *годовать* (в смысле растить, воспитывать детей). Неплохо звучит у Д. Осина и ироническое словечко *торговая*, высмеивающее людей, выторговывающих каждый рубль. Можно, с некоторым трудом, согласиться даже с тем, что героиня рассказа «Лучший месяц» Клавдия Петровна употребляет такое слово, как *заполевать* (специальный охотничий термин, означающий, что зверь взят в охотничьем поле). Не мешало бы и эти редкие слова пояснить, более умело ввести их в контекст повествования, чем это делает Д. Осин. Но, во всяком случае, эти слова — на месте. Зато надо решительно возразить, когда вместо общепринятых красивых слов общерусского языка Д. Осин употребляет слова-уродцы, соблазненный, видимо, их «экзотическим» звучанием. Зачем, например, прекрасные слова *запоздал, опоздал* заменять такими глаголами-гомункулусами, как *припозднился, запозднился*? Это некрасиво, неестественно и никак не способствует реализму речи героев.

Нужно ли общерусское слово *вприкачу* заменять искусственным словцом *наприкачу*? Ни в словаре Даля, ни в словаре Ушакова нет слова *трюкать*, которым Д. Осин почему-то обозначает звук, издаваемый запечным сверчком. Стоит ли называть белок *любопытницами*? Что такое *стеблестой*, о котором ведут речь герои рассказа «Лучший месяц»? Позволительно ли вводить такой вульгарный оборот в авторскую речь, как «*набрала* (вместо *купила*. — Ан. Т.) штапельного полотна»?

Чистый, богатый и ясный язык своих рассказов Д. Осин зря засоряет ненужными вульгаризмами и отсебятиной.

Вызывают возражения и некоторые образные построения Д. Осина.

Об одном герое говорится, что он «летяще разводил локти». Речь идет о человеке, объезжающем лошадь, и сказано это неверно, неточно. Нельзя, на наш взгляд, сказать о самой лошади, что «алые ее ноздри жадно, *почти зряче*, вбирают духмяную жару степи». Зряче вбирать жару?..

Удачно нашел автор одну из метафор в рассказе «Ранний звонок»: «телефонные столбы, бредущие куда-то». Но уже ненужным повторением звучит через три страницы упоминание о телеграфных столбах, которые «идут далеко-далеко, до самой Москвы». И, наконец, уже совсем не стоило возвращаться с такой назойливостью к столбам в третий раз, когда автор пишет: «гулят новые телефонные столбы, шагающие вдаль». Нет здесь бережности к образу.

Эти огрехи отмечать особенно обидно, поскольку среди многих наших прозаиков Д. Осин отличается подчеркнутой любовью к слову, упорной работой над языком и стилем своих произведений.

Жанр, в котором систематически работает Д. Осин последние годы,— нужный, остро дефицитный жанр нашей литературы. Одержав ряд бесспорных побед («В середине лета», «Ранний звонок» «Большой Днепр»), Д. Осин должен совершенствовать свое мастерство, развивать его. Герои и сам автор должны выйти на простор больших тем современности. Не надо, не стоит автору бояться прямого решения тем. Тонкий психологический рисунок, мастерство детали должно у Д. Осина идти рука об руку с изображением решающих конфликтов и противоречий современности.

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Дмитрий Осин. «В середине лета». Рассказы. «Советский писатель». М. 1953. 274 стр. Редактор В. Раковская.

СНИМКИ КИТАЙСКОГО ФОТОАГЕНТСТВА

К РЕПАТРИАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КОРЕЕ

9 июня в советской прессе было опубликовано коммюнике корейско-китайской делегации на переговорах в Паньмыньчжоне. В нем сообщалось, что 8 июня было подписано соглашение о репатриации военнопленных. Как известно, этот вопрос оставался единственным препятствием к достижению перемирия в Корее. «Заключение этого соглашения,— пишет китайская газета «Жэньминьжибао»,— приблизило прекращение войны в Корее и открыло путь к мирному разрешению корейского вопроса. Поэтому подписание соглашения, несомненно, является в современной международной жизни событием первостепенной важности».

Подписанию соглашения 8 июня предшествовал состоявшийся в апреле обмен больными и ранеными пленными, чем был проложен путь к урегулированию всего вопроса о военнопленных. Ниже мы публикуем снимки китайского агентства Синьхуа, на которых запечатлены некоторые моменты, связанные с отправкой из лагерей в Северной Корее на обменный пункт раненых и больных американских и английских военнопленных, их прощание с оставшимися пока еще в Северной Корее товарищами. Лица пленных убедительно свидетельствуют о том, что в этих лагерях строго соблюдается Женевская конвенция и по отношению к военнопленным проявляются подлинный гуманизм и великодушие. Ныне, благодаря подписанию соглашения о репатриации военнопленных, получили возможность вернуться на родину и те, кто еще недавно провожал своих раненых и больных друзей.

На память о пребывании в лагере. Перед возвращением на родину больные и раненые военнопленные (слева направо): Поль Шнур, Лоуэлл Скиннер и Джеймс Пинкстон обращаются к пленному фотокорреспонденту Франку Ноэлю с просьбой сфотографировать их на прощанье

Больные и раненые американские военнопленные перед отправкой на обменный пункт в Паньмыньчжонь

Корреспондент лондонской газеты «Дейли уоркер» Алан Уиннингтон (первый слева) беседует с больными и ранеными военнопленными — англичанами, отправляющимися на родину: Раймондом Фиш, Артуром Кэлвли и Рональдом Коксом.

ВОКРУГ ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА ЖЕНЩИН

КАКОВ СМЫСЛ МОЛЧАНИЯ ДАТСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЫ

Шестой день в Копенгагене продолжается Всемирный конгресс женщин. Представительницы различных стран земного шара обсуждают важнейшие проблемы борьбы женщин за мир, за свои права, за светлое будущее детей. На вчерашнем заседании продолжались прения по докладам г-жи Андреа Андреен и г-жи Эжени Коттон, работали секции и комиссии конгресса. Конгресс заканчивает свою работу. Мы помещаем сегодня корреспонденцию Ханса Шерфига, полученную нами из Копенгагена.

Если вы перелистаете датские буржуазные газеты за эти дни, то вам вряд ли удастся узнать, что в Копенгагене вот уже почти неделю заседает Всемирный конгресс женщин. Не узнаете вы из этих газет и о проблемах, жизненно важных для миллионов женщин, которые на нем обсуждаются. А ведь датская конституция говорит о свободе слова и свободе печати. Практически это значит — свобода скрывать и замалчивать: тот, кому принадлежит бумага, определяет, что будет на ней напечатано.

Буржуазные газеты ни словом не обмолвились, например, о первом пункте повестки дня конгресса, обсуждая который представительницы женщин всего мира выступали в защиту прав сотен миллионов женщин, прав женщины-матери, женщины-труженицы, женщины — гражданина государства.

Лицемерие неотделимо от самого существования буржуазного общества. Когда идеологи буржуазии говорят о правах человека, они подразумевают право частной собственности. Когда идеологи буржуазии говорят о свободе, они подразумевают свободу эксплуатации. Когда они говорят о демократии, они подразумевают власть монополий. Сбрасывать бомбы на корейских детей — это называется у них гуманизмом. Предательство по отношению к своим соотечественникам провозглашается патриотизмом, обман их доверия — моралью.

И все же буржуазные газеты не решаются открыто нападать на конгресс, так как им известно, что большинство датчан, в особенности женщин, с огромным интересом и симпатией следят за его работой. Считается более «практичным» замалчивать конгресс. Но если пресса холодно молчит, то население Копенгагена встречает делегатов конгресса с необычайной теплотой и сердечностью. Всюду, где появляются зарубежные гости, их принимают с восторгом, необычным для наших северных широт. Датский народ понимает, что эта встреча женщин всего мира — событие огромного исторического значения, шаг вперед к достижению того, чего желаем мы все: доброй воли, уважения к человечеству, мира.

Известный датский писатель Ханс Кирк пишет в газете «Ланд ог фольк»: «Когда женщины всего мира решат взяться за дело, земной шар изменит свое лицо — он станет прекраснее».

Рука об руку работают на конгрессе американская и советская женщины. Китайская мать дружески беседует с матерью-англичанкой. Женщины разного цвета кожи, женщины различных религиозных и политических убеждений, женщины, принадлежащие к разным классам, обсуждают здесь то, в чем заинтересовано все человечество: ведь установление прочного мира было во все времена мечтой матерей всего земного шара.

Вот один из многочисленных примеров. Во время одного из заседаний конгресса датская мать, охваченная внезапным порывом, протянула своего маленького ребенка — в знак доверия и дружбы — негритянке. Женщины говорили на разных языках, но они поняли друг друга. Их объединило то, что объединяет всех матерей, всех женщин, все человечество, — стремление к миру.

Я не ставил перед собой задачи следить за ходом прений на конгрессе, подробно записывать многочисленные речи и выступления. Но, находясь там, я глубоко ощутил оптимизм и добрую волю, которые царят на этом великом съезде женщин всего мира.

Как не вспомнить здесь призывные слова Максима Горького, обращенные к женщинам в 1925 году:

«Почему не поднимете вы властного голоса против безумия, грозящего окутать мир облаком отравы? Вы, матери, единая и извечная сила, вновь и вновь засевающая опустошаемую смертью землю... Матери! Жены! Вам принадлежит голос, вам принадлежит право творить законы. Жизнь исходит от вас, и все, как одна, должны вы подняться на защиту жизни против смерти. Вы — вековечные ненавистницы смерти. Вы — та сила, что неустанно борется и одолевает».

Демонстрация бельгийских женщин, организованная в знак протеста против подготовляемого включения бельгийских войск в состав так называемой «европейской армии». На транспаранте надпись: «Нашим сыновьям — стадионы и школы, а не казармы»

В этих словах — смысл того, что происходит на нынешнем Всемирном конгрессе женщин. Матери, жены встретились во имя того, чтобы предотвратить катастрофу, нависшую над миром. Женщины не хотят молчать. Они поднимают свой голос против проклятой войны. Во всем мире скажется влияние этого конгресса.

Невозможно забыть то, что произошло во время праздника, организованного датскими женщинами в крупнейшем спортивном зале Копенгагена в честь своих гостей. Стало известно, что датское правительство отказало в визе на въезд представительницам трех стран. Хотя эти делегатки уже достигли датской границы, женщинам Кореи, Малайи и Вьетнама не было позволено вступить на территорию Дании. Когда было оглашено это сообщение, датские девушки внесли в зал флаги корейской, вьетнамской и малайской делегаций. Все встали и бурной овацией приветствовали три страны.

На следующий день после заседания конгресса Копенгаген чествовал участниц конгресса женщин на многолюдном митинге дружбы в одном из крупнейших городских парков. Делегатки отправились из здания, в котором происходит конгресс, в парк, а по обе стороны их пути стояли датские женщины с цветами в руках. В парке зарубежные гости встретились с тысячами копенгагенцев, которые восторженно приветствовали их.

Здесь было принято следующее заявление, одобренное горячей овацией всех присутствовавших:

«Датские женщины, принимающие участие в конгрессе, с гордостью и радостью встретили в Копенгагене женщин почти всех стран мира, приехавших сюда, чтобы обсудить вопросы о равноправии женщин, о защите детей и домашнего очага, об условиях установления всеобщего мира. С горечью и гневом узнали мы о том, что представительницы трех стран отсутствуют на нашем конгрессе. Мы узнали о том, что правительство Дании запретило им въезд в страну, хотя они уже много дней назад покинули родные страны и находятся у самых границ Дании. Мы горько сожалеем об этом факте и обращаемся к правительству с просьбой пересмотреть свое решение, тем более, что перемирие в Корее, повидимому, скоро будет заключено. Мы, датские женщины, хотим услышать голос женщин всех стран — женщин, борющихся за мир, свободу и счастье».

На митинге выступили женщины тридцати стран. Вот что они говорили:

Зинаида Гагарина (Советский Союз): «Все нерешенные международные конфликты могут быть решены путем мирного обсуждения. Волю к миру надо претворить в действие».

Ли Дэ-цуань (Китай): «Женщины всего земного шара должны теснее сплотиться во имя счастливого мира, свободного от угрозы войны».

Эйан Чанд (Индия): «Наша любовь к детям — сила гораздо более могучая, чем все атомные бомбы, которые могут придумать поджигатели войны».

Лула Саффоулд (США): «Когда я вернусь на родину, в Чикаго, к своему Комитету защиты мира, к своей церкви, я сделаю все от меня зависящее, чтобы рассказать народу, что миллионы людей на земле думают так же, как и мы: мир будет сохранен в атмосфере той дружбы, которую мы ощутили в Копенгагене».

Рут Херманн (Дания): «Здесь, на нашем конгрессе, мы слышали рассказы о блестящих успехах и глубочайших унижениях. Только в единстве можно достичь цели, к которой мы стремимся».

Отклик, вызванный в нашей стране конгрессом женщин, разнесется и по другим странам. Пусть буржуазные газеты замалчивают конгресс. Им не убить своим молчанием то новое, что возникает в эти дни. Оно распространится повсюду, оно скажется во всем. Решения, которые женщины всего мира единодушно примут на конгрессе, пробудят силы гораздо более могучие, чем силы смерти и разрушения. Те, кто дает жизнь на всем земном шаре, хотят защитить эту жизнь. Матери всего мира осуществят свое вековечное стремление — отстоять мир на земле.

Ханс ШЕРФИГ
Копенгаген. 10 июня.
(По телеграфу).

Антивоенная демонстрация женщин во французском городе Сен-Назере. Надпись на большом плакате гласит: «Не допустим выгрузки оружия в Сен-Назере. Объединенными усилиями все женщины воспрепятствуют этому во имя жизни своих детей». Надписи на других плакатах — требования мира, хлеба, свободы.

Снимок из французского журнала «Фамм франсез»

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Рисунок из американской газеты «Буффало ивнинг ньюс»

«Вот уже много лет, как бандиты расширяют свое политическое влияние; гангстеры ведут открытую кампанию, направленную на захват политической власти, пользуясь при этом пулями вместо избирательных бюллетеней».

(Из американской газеты «Чикаго сан-таймс»)

«В прежние времена гангстеризм носил преимущественно замкнутый характер, и шайки бандитов спокойно полагались на свои неофициальные связи с различными политическими деятелями. Политическая власть была лишь средством к достижению цели; теперь она стала бизнесом».

(Из американского журнала «Нэйшн»)

«...Гангстеры будут продолжать стремиться к захвату все большей и большей политической власти, пока содружество преступления, бизнеса и политики будет функционировать, принося прибыль».

(Из американской газеты «Кэпитл-таймс», город Мэдисон)

Румынский мичуринец

По всей Румынской республике идет слава о биологе-мичуринце Рудольфе Палочои. Талантливый садовод выращивал новые сорта цветов еще в старой Румынии. Но тогда мало кто интересовался его деятельностью. Только в народной Румынии по-настоящему расцвел талант Рудольфа Палочои, впервые познакомившегося с работами великого русского ученого И. В. Мичурина.

Рудольф Палочои у выведенного им нового сорта персика

Фото Аджерпрес

Румынский садовод давно мечтал вывести новый сорт персика, более продуктивный и морозоустойчивый, чем уже существующие сорта. И он достиг своего. Скрещивая по методу Мичурина персик с горьким миндалем, румынский биолог получил прекрасные плоды, богатые сахаром, ароматные, мало восприимчивые к заболеваниям. Вес каждого персика достигает 350 граммов. Новый сорт вызревает даже в самых северных районах Румынии.

Замечателен и новый сорт вишни, выведенный Палочои путем скрещивания вишни с дикой сливой. Скрещивая сладкий перец с томатом, Палочои вывел сорт красных томатов, содержащих витаминов «С» в полтора раза больше, чем другие сорта помидоров.

В прошлом мало кому известный садовник стал в новой Румынии знатным человеком. Народное правительство присвоило Рудольфу Палочои звание лауреата Государственной премии. Трудящиеся Клужской области избрали его депутатом областного народного Совета. Рудольф Палочои — заместитель председателя Общества по распространению сельскохозяйственных знаний имени И. В. Мичурина, он руководит кружком мичуринцев в Клужском сельскохозяйственном институте.

Джозеф
СТАРОБИН

ГДЕ-ТО ВО ВЬЕТНАМЕ...

3. *Страна поэтов*

Сегодня мы публикуем третий очерк корреспондента американской газеты «Дейли уоркер» Джозефа Старобина «Страна поэтов» из серии очерков, написанных им где-то во Вьетнаме.

— В нашей стране каждый — поэт, — сказал, улыбнувшись, заместитель министра народного образования в ответ на мою просьбу познакомить меня с достижениями вьетнамской культуры. Он повернулся к соседу — живому, улыбающемуся человеку лет тридцати трех, одетому в костюм защитного цвета.

Это был То Уу, один из виднейших поэтов Вьетнама. Еще юношей он вступил в коммунистическую партию. За плечами у него — годы, проведенные во французских тюрьмах.

— Вот, например, — продолжал заместитель министра, — первые две строки стихотворения, которое очень любит наш друг То Уу, их все у нас знают наизусть:

Нет ничего прекраснее на озере, чем цветок лотоса.
Нет ничего прекраснее в нашей стране, чем имя президента Хо.

Такие стихи очень популярны во Вьетнаме. Называются они «Ка-Дзао». Это своего рода парафразы старых пословиц и поговорок или новые поговорки, создаваемые по известным образцам. Во время моей поездки по различным районам Вьетнама я не раз наблюдал присущую вьетнамскому народу любовь к стихосложению. Всякий раз, когда наши лошади останавливались посреди какой-либо реки и упорно отказывались итти дальше, пока не напьются, Лоунг — мой постоянный спутник — принимался поддразнивать меня:

— Вот в такие минуты самые знаменитые наши предки слагали свои лучшие стихи. Почему бы и вам не попробовать?

Заместителю министра народного образования, зовут его Нгуэн Ван Тоан, 49 лет. Он прекрасно знаком с французской, немецкой и русской культурой. Величайшим достижением демократического Вьетнама была, по его словам, кампания по ликвидации неграмотности, за время которой 14 миллионов человек — две трети всего населения — выучились читать и писать.

Эта цифра поразила меня. Что же сказать теперь о «западной цивилизации», которая 85 лет держала всю страну во мраке невежества, в то время как освободительное движение в такой короткий срок покончило с вековой отсталостью?

Большая работа проведена также среди национальных меньшинств. Одни из них получили письменность, которой раньше не имели; другие впервые начали создавать собственную литературу.

В школе кадров я познакомился с человеком по имени Ван Тан Доан. Десять лет назад этот крестьянин-бедняк вступил в один из первых вооруженных отрядов Сопротивления. Тогда он не умел читать. Недавно на общенациональном литературном конкурсе Ван Тан Доан получил за свои стихи третью премию.

Во Вьетнаме (кроме южной части его) полмиллиона детей учится в девятилетних школах. И где-то в лесу действует университет — университет Демократической Республики Вьетнам. Есть сельские театры, которые, так же как в Китае, ставят классические оперы и оперетты. Для этих опер иногда сочиняют новые либретто на современные темы.

В прошлом году состоялся литературный конкурс, на который было представлено 700 работ — романы, рассказы, стихотворения и пьесы. В конкурсе приняли участие 289 работников культурного фронта. Первая премия была присуждена за роман «Шахтеры бастуют», принадлежащий перу шахтера Во Ху Там.

Свободный Вьетнам изготовляет собственную бумагу из камыша и бамбука. Правда, бумага из бамбука получается желтая, грубая. Я привез с собой немало книг, брошюр и журналов, напечатанных на этой бумаге. О поистине героических подвигах в издательском деле мне рассказал Ксюан Туи, генеральный секретарь Национального фронта (Льен-Вьет) и председатель Союза журналистов Вьетнама.

Главный печатный орган в стране — ежедневная газета «Куу Куок» («Национальное спасение»). Она выходит тиражом в 30 тысяч экземпляров. По словам Ксюан Туи, который ее редактирует, не было дня, чтобы газета не вышла. «Нэн Зэн» («Народ») — еженедельник, издаваемый Трудовой партией (Лао-Донг). Он печатается одновременно на севере, в центре и на юге страны. Тираж еженедельника также достигает 30 тысяч. Некоторые другие важные печатные органы, как, например, газета «Народная армия», журнал, посвященный вопросам гигиены и здравоохранения, и «Лао-Донг» — орган Генеральной конфедерации труда — выходят нерегулярно; журнал «Искусство и литература» — два раза в месяц.

— Где же ваша типография? — спросил я.

— У нас пять типографий в лесах, некоторые в 30—40 километрах от центральной редакции. Время от времени, когда бои идут слишком близко, приходится переносить их в более безопасные места.

Работой различных изданий Национального фронта (Льен-Вьет) и партии Лао-Донг руководит центральная редакция. Она часто передает свои материалы по радио. В демократическом Вьетнаме много радиопередатчиков. Я все время следил за мировыми событиями по стеклографированному бюллетеню, который ежедневно получают все правительственные учреждения.

Газеты развозят на лошадях и на автомашинах, в некоторые пункты доставляют пешком. И повсюду у этих газет есть свои корреспонденты.

— Мы стараемся привлекать к работе тех, кто отличился в боях, — сказал Ксюан Туи.

Конечно, новости распространяются и другими способами. Каждую газету читают вслух во всех организациях Национального фронта (Льен-Вьет) и Трудовой партии, в цехах, в хижинах, в лагерях Народной армии. Важнейшие передовицы и корреспонденции перепечатываются в десятках тысяч стенных газет. Нередко газету зачитывает вслух, стоя на высоком деревянном помосте, глашатай, — такие помосты я видел во многих деревнях. Поэтому, не считая даже газет, выходящих в партизанских районах, печатное слово свободного Вьетнама, по подсчетам Ксюан Туи, прямо или косвенно доходит по крайней мере до половины населения страны.

Что такое, в сущности, культура, как не выражение борьбы и чаяний народа? Я вспомнил, как много в моей стране людей, которые гордятся своей образованностью, но при этом либо ничего не читают, либо читают без разбора всякую чепуху. И многое из виденного здесь, во Вьетнаме, заставило меня задуматься о значении культуры.

Вспомнился мне, например, воскресный вечер близ горной пещеры, внутри которой десятки молодых людей строили военный склад для армии. Весь день я наблюдал, как эти юноши и девушки таскали кирпич и камни и цементировали стены пещеры, тянувшейся далеко в глубь горы. Весь день они подносили бамбук и бревна по извилистой дороге, замаскированной деревцами, врытыми в землю через каждые несколько футов.

А вечером эти молодые люди, которые отдают свои силы нелегкой работе в темной горной пещере, танцевали и пели при свете бамбукового факела... Взявшись за руки, они двигались в прелестном, грациозном танце, и в полумраке звучали песни Сопротивления. Они пели песни нового Китая и Советского Союза, песни, привезенные сюда с Международного фестиваля молодежи. И казалось, ноги их не знали усталости. А лица не переставали улыбаться...

Я вспомнил комиссара Кванга, который ездил с нами на завод, скрытый в лесах, и в части Народной армии. Возвращаясь обратно, мы провели в пути всю ночь, но и к рассвету не успели добраться до места назначения. Шофер заявил, что при дневном свете ездить не полагается, — он должен поставить машину в укрытие. И вот в шесть часов утра мы пустились дальше пешком,— пути оставалось еще километров пять. Усталые, голодные, мы мечтали набрести на крестьянскую хижину, где можно было бы поспать хоть несколько часов.

— Вам, я вижу, не часто приходилось проводить ночь без сна, — сказал Кванг, заметив, что меня пошатывает. — В такие минуты хорошо вспоминать стихи.

Передо мной был человек, которого три раза сажали в тюрьму. Сейчас Кванг — комиссар дивизии. И в шесть часов утра он декламирует стихи на проселочной дороге!

Благодаря облакам горы достают до небес.
Благодаря ветру цветы улыбаются луне...

— Это одно из моих любимых стихотворений, — говорит он.

И мы повторяли эти стихи, шагая по полям, где уже плескались в воде буйволы. Одна за другой мимо нас прошли две девушки. Они несли в гору камни для дорожной насыпи.

Кванг улыбнулся одной из девушек и сказал:

— А вот еще одно стихотворение, его очень любит наша молодежь:

Проходя мимо пагоды, я снимаю свою широкополую шляпу, и с нее стекают капли дождя.
Сколько черепицы на крыше храма, столько в моем сердце любви к тебе...

На эти долгие пять километров у нас ушел целый час, но за это время я, вероятно, узнал о значении культуры больше, чем за многие годы моей жизни.

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти члена ССП СССР поэта-переводчика

Екатерины Александровны ТАРЛОВСКОЙ (Л. РУСТ)

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01276.